

НЕСТОРІЙ и ЕВТИХІЙ

ЕРЕСІАРХИ 5-го вѣка.

(Продолженіе *).

III.

Волненія и смуты, возбужденныя новымъ ученіемъ (Несторія), не ограничились однимъ Константинополемъ. По мѣрѣ того какъ Несторій произносилъ одну за другою свои бесѣды, въ разъясненіе и оправданіе своего ученія, онъ немедленно публиковалъ ихъ, затѣмъ разсылалъ по всеѣмъ паправленіямъ, клиру, городскимъ судьямъ,—и повсюду, куда онъ доходили, возникали такіе же горячіе споры и раздоры, какъ и въ Константинополѣ. Распространенныя по всему Востоку, онъ дошли и до пустынныхъ монастырей Египта и произвели на умы отшельниковъ какое-то странное, потрясающее впечатлѣніе. Эти простые, но впечатлительные и пылкіе умы, всецѣло разобщившіеся съ міромъ и привыкшіе во всемъ руководиться словами духовныхъ отцевъ своихъ, узнавши въ одинъ прекрасный день, что константинопольскій архіепископъ отказываетъ Дѣвѣ Маріи въ наименованіи Матери Божіей, поражены были какимъ то суетвѣрнымъ ужасомъ: имъ показалось, что все небо ихъ вѣрованій разрушалось, что нѣтъ болѣе ни искупленія, ни Христа, ни спасенія, нѣкоторые изъ нихъ дошли даже до отрицанія бытія Божія и обезумѣли. Настоятели нѣкоторыхъ монастырей верхняго Египта, уstraшенные такимъ положеніемъ вещей, отправились въ Александрію умолять сво-

*) См. Труды 1879 г., апрѣль.

его патриарха, чтобы онъ оказалъ имъ свою помощь и авторитетомъ пастырскихъ своихъ наставлений исправилъ сбившійся съ праваго пути умъ киновитовъ ¹⁾).

На патриаршемъ престолѣ въ Александрии Владыкою былъ въ это время Кириллъ, родной племянникъ предшественника своего Теофила, воспитанный и образованный подъ непосредственнымъ надзоромъ своего дяди. Основныя черты нравственнаго характера дяди замѣтно выдавались и въ характерѣ племянника: та же пылкая, порывистая ревность о чистотѣ и славѣ вѣры, тоже беспокойное стремление къ усилению и расширенію духовнаго своего вліянія и власти, та же горячая жажда публичной дѣятельности и борьбы. Сильный умомъ и мужественный духомъ, Кириллъ управлялъ живоподвижною, волнуемою пылкими страстями, своею паствою твердой, властительскою рукой, внушая къ себѣ уваженіе, смѣшанное со страхомъ ²⁾).

Выслушавъ отъ настоятелей монастырей донесеніе о прискорбномъ положеніи вещей въ подвѣдомственныхъ имъ обителяхъ, Кириллъ общалъ имъ принять съ своей стороны мѣры къ прекращенію безпорядковъ. Приближался праздникъ Пасхи 429 года; александрійскіе епископы имѣли обыкновеніе публиковать въ это время года пасхальныя окружныя посланія и другія религіозныя наставленія для употребленія въ своей епархіи. При этомъ случаѣ патриархъ общался заняться специально положеніемъ своихъ монастырей и тѣми еретическими сочиненіями, которыя произвели въ нихъ смуты. Это была прямая его обязанность, отъ исполненія которой онъ не могъ уклониться, не измѣняя пастырскому своему долгу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ для него драгоцѣнный случай, какой только могъ представиться, чтобы вступить въ борьбу съ константинопольскимъ новаторомъ. Александрійскій патриархъ давно уже съ напряженнымъ вниманіемъ и зоркимъ окомъ слѣдилъ за всѣми

¹⁾ СлпІ ср 9

²⁾ Socl. VII, 7, 11, 13

перипетіями релігійного спору, волнованого константинопольську церкву, порывався прийняти въ нѣмъ дѣятельное участіе; но сдерживалъ себя, ожидал благопріятнаго къ тому случая и основательнаго повода. Такой, вполне законный и нравственно обязательный, поводъ и доставили ему его монахи. Основной мотивъ, побуждавшій Кирилла выступить въ борьбу противъ Несторія, выходилъ, конечно, изъ источника чисто релігійного: такой просвѣщенный и пламенный ревнитель чистоты преданія вѣры могъ ли оставаться равнодушнымъ и безучастнымъ зрителемъ измѣненій и искаженій ея, вносимыхъ и распространяемыхъ съ высоты патріаршаго престола первенствующей церкви на Востокъ, особенно когда эта порча проникла и въ его паству? Но къ этой борьбѣ подталкивали и поджигали его и нѣкоторые другіе побужденія нисшаго порядка, коренившіеся частію въ его личномъ темпераментѣ, а еще глубже—въ тѣхъ напряженныхъ и не совсѣмъ дружелюбныхъ іерархическихъ отношеніяхъ, въ какихъ александрійская церковь стояла въ это время къ двумъ другимъ главнымъ церквамъ Востока—константинопольской и антиохійской.

И во первыхъ, что касается отношеній александрійской церкви къ антиохійской, то между ними съ давнихъ поръ существовало взаимное соперничество, восходившее до самой колыбели христіанства. Обладая важными, но различными преимуществами и заслугами, онѣ ревновали одна къ другой, каждая стремясь занять первенствующее мѣсто на христіанскомъ Востокѣ, подобно тому какъ церковь римская съ общаго согласія занимала первое мѣсто на христіанскомъ Западѣ. Антиохія высоко цѣнила и ставила на видъ двойное апостольское происхожденіе свое отъ двухъ главнѣйшихъ проповѣдниковъ христіанства—Петра и Павла, важное значеніе свое какъ церковной митрополіи обширной сирійской епархіи, равно какъ и высокій рангъ свой въ гражданскомъ порядкѣ, какъ столицы Востока. Этимъ правамъ и претензіямъ на особенное уваженіе Александрія, съ

своей стороны, противопоставляла другія, не менѣе значительныя права и претензіи: славу своихъ школъ, создавшихъ науку христіанскаго богословія, умственное превосходство своихъ ученыхъ богослововъ, которымъ удивлялся весь міръ, и наконецъ первенствующую роль своихъ патріарховъ въ разъясненіи и рѣшеніи богословскихъ вопросовъ при религіозныхъ спорахъ. Этотъ давнишній споръ между ними о первенствѣ, правда, былъ порѣшенъ никейскимъ соборомъ, въ сдѣланномъ имъ распредѣленіи епископскихъ престоловъ, въ пользу Александріи; но съ тѣхъ поръ возникли другія причины ревности, которыя прибавили къ прежнему соперничеству ихъ новую горечь. За послѣднее столѣтіе антиохійская церковь высоко поднялась въ общественномъ мнѣніи чрезъ свои школы краснорѣчія; знаменитые ораторы и великіе христіанскіе писатели этого времени, Василій В., два Григорія, Іоаннъ Златоустъ и наконецъ Несторій, принадлежали къ Сиріи. Эта церковная область не неосновательно могла хвалиться, что въ IV и V вѣкѣ она доставила церкви самыхъ знаменитыхъ епископовъ и замѣстила своими сынами самые славные епископскіе престолы, между тѣмъ какъ александрійцамъ, чтобы выказать себя, нужны были вселенскіе соборы или догматическіе споры. Это приниженіе глубоко уязвляло ихъ гордость, и они рады были имѣть возможность уличить въ ереси какія либо мнѣнія и возрѣнія, содержащія и высказываемыя епископами и клиромъ Сиріи. Доказательствомъ этого служить упорное и продолжительное преслѣдованіе ими Іоанна Златоуста.

Во вторыхъ, такая же, если не болѣе, сильная антипатія господствовала и въ отношеніяхъ александрійскаго патріархата къ патріархату константинопольскому. Главною причиною этой непріязни было то, что константинопольская церковь, не смотря на то, что она составлена была изъ частей восточныхъ митрополій и не имѣла ни прошедшаго, ни другой извѣстности, кромѣ той, которую имѣли чужіе

епископы, управлявшіе ею, на второмъ вселенскомъ соборѣ, въ 381 году, возведена была на первое мѣсто, а александрійская низведена на второе. Это сдѣлано было по причинамъ чисто политическимъ. Новый Римъ, устроенный по образцу стараго, какъ резиденція императора, двора и сената, естественно, требовалъ и церковнаго устройства такого же, какъ было въ старомъ Римѣ, т. е. церковнаго первенства въ восточной имперіи. Александрія никакъ не могла помириться съ этимъ; она горько жаловалась, и эти жалобы ея долго поддерживаемы были и римскимъ епископомъ, который хотѣлъ остаться вѣрнымъ прежней дружбѣ своей къ ней; но вселенскій Соборъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по внушенію императора Θεодосія 1-го, и государственныя причины превозмогли. Отсюда—продолжительная и упорная непріязнь александрійскаго патріархата къ константинопольскому, которая не разъ будетъ замѣчена въ нашихъ разсказахъ. Всякій разъ, какъ только архіепископъ константинопольскій подвергался нападенію, въ поражающей его рукѣ можно было навѣрное открыть руку архіепископа александрійскаго. За то и въ словарь раздраженнаго Константинополя александрійскій патріархъ не имѣлъ другаго имени, какъ имени *Евмѣянина*,—и это слово говорило все.

По всему этому Кириллъ съ особеннымъ рвеніемъ ухватился за представившійся ему случай помѣриться съ своимъ собратомъ Несторіемъ, который былъ вдвойнѣ ему противень, и какъ архіепископъ Константинополя и какъ сынъ церкви антїохійской, и далъ себѣ слово, какъ только наложить на него руку, не выпускать его, доколѣ не убьетъ юридически. Но такъ какъ онъ зналъ, что Несторій былъ очень силенъ при дворѣ и покровительствуемъ лично Императоромъ, то не отважился дѣйствовать противъ него иначе, какъ съ крайнею осторожностію. Тактика его состояла въ томъ, чтобы представиться вызваннымъ и вынужденнымъ вступить въ борьбу противъ своего личнаго жела-

нія мира. Воспользовавшись жалобною просьбою къ нему настоятелей монастырей верхняго Египта, чтобы начать борьбу противъ Несторія, онъ открылъ ее пастырскимъ посланіемъ къ своимъ монастырямъ, носившимъ заглавіе: „письмо къ пустынникамъ Египта“¹⁾, въ которомъ, объясняя тайну Воплощенія, онъ предостерегалъ ихъ отъ увлеченія извѣстными еретическими сочиненіями, наводнившими ихъ обители, приводилъ разныя мѣста изъ этихъ сочиненій и опровергалъ проповѣдуемое въ нихъ учение, не называя однакожъ автора ихъ, Несторія, по имени. Распространенное на Востокъ въ такомъ же множествѣ экземпляровъ, какъ и бесѣды Несторія, письмо это естественно дошло и до Константинополя и попало въ руки Несторія. Несторій оскорбился имъ. „Вотъ неосновательное нападеніе на меня, котораго я вовсе не заслужилъ“, сказалъ онъ кому то, кто не замедлилъ передать это Кириллу. Кириллъ имѣлъ чѣмъ оправдаться предъ Несторіемъ, и въ письмѣ своемъ къ нему, наполовину защитительномъ, наполовину наступательномъ, счелъ нужнымъ открыто объясниться съ разгнѣваннымъ сослужителемъ своимъ. „Нѣкоторые достопочтенные и заслуживающіе довѣрія мужи, писалъ онъ, говорили мнѣ, что благочестіе твое въ великомъ негодованіи на меня, и что виною этой ненависти и озлобленія къ мнѣ послужило письмо, писанное мною къ святымъ монахамъ. Я удивляюсь, что благочестіе твое не потрудилося разсмотрѣть этого дѣла тщательнѣе. Смущеніе въ вѣрѣ произошло совсѣмъ не отъ этого письма моего, а отъ нѣкоторыхъ поученій, сказанныхъ твоимъ благочестіемъ или кѣмъ другимъ. Когда эти поученія, содержащія явно превратное ученіе, стали всюду ходить по рукамъ и возмущать чистоту вѣры, то мы обязаны были употребить всѣ средства къ тому, чтобы исправить заблужденія и возвратить къ

¹⁾ Concilia generalia et provincialia. Severini Bini. t. 2 Concil. III p. 6—20.

истинѣ оболъщенныхъ мыслями, чуждыми истины. Могли ли мы молчать, видя, какъ святая вѣра наша извращается и искажается, когда мы и поставлены на то, чтобы говорить, что должно? Если же поводъ къ смущеніямъ въ церкви подало твое благочестіе, то справедливо ли винить въ этомъ другого? Зачѣмъ же благочестіе твое ненавидитъ и поносятъ меня? Не лучше ли было бы тебѣ исправить свои слова, дабы прекратить соблазнъ во вселенной? Если слово и излилось изъ устъ и, положимъ, распространилось уже въ народѣ, этому еще можно помочь исправленіемъ слова. Будь увѣренъ, что самое лучшее дѣло съ твоей стороны въ настоящемъ случаѣ было бы сказать соблазняющимся новое слово, и назвать святую дѣву Богородицею. Если же это не будетъ сдѣлано,—присовокупилъ онъ въ заключеніе своего писма вышительно угрожающимъ тономъ, — то знай, что за вѣру во Христа мы готовы все претерпѣть, подвергнуться узамъ и самой смерти¹⁾.

Прочитавъ это письмо, Несторій обидѣлся, и вовсе не хотѣлъ было отвѣчать на него; но александрійскій пресвитеръ Лампонъ, доставившій ему это письмо, такъ настоятельно просилъ его сдѣлать это во имя религіознаго мира, что не считъ возможнымъ уклониться отъ этого. До мира однакожь было далеко; Несторій въ отвѣтномъ письмѣ своемъ былъ сухъ и гордъ. „Нѣтъ добродѣтели выше христіанской кротости: она одна только и заставила меня въ настоящее время послать это письмо. Хотя твоимъ благочестіемъ по отношенію ко мнѣ многое сдѣлано не по братской любви, чтобы не сказать болѣе, но не смотря на то мы пишемъ это письмо въ духѣ терпѣнія и любви. Опытъ покажетъ, прибавилъ онъ, какой плодъ выйдетъ для насъ изъ этого“²⁾. Такой отвѣтъ мало располагалъ къ обмѣну

¹⁾ Cyril. ep. 9.

²⁾ Vinu. t. 2 Concil. III. p. 163

писемъ; но оба противника выступили на арену и, разъ скрестивши шпаги, уже не выпускали болѣе изъ глазъ другъ друга.

Съ обнародованіемъ и распространеніемъ Кириллова „письма къ пустынноикамъ“ полемика несторіанъ противъ традиціоннаго ученія церкви становится дѣятельнѣе, рѣзче и наглѣе. Глава ихъ не удостоилъ опровергать это письмо собственноручно; онъ поручилъ написать опроверженіе его одному своему пресвитеру, по имени Фотію и тотъ написалъ его очень колко; а самъ лично занялся дѣломъ болѣе важности. Опасаясь, какъ бы противники его не поспѣшили выставить его ученія предъ римскимъ патріархомъ Целестиномъ въ невыгодномъ свѣтѣ, онъ рѣшился предупредить ихъ,— и вотъ въ какомъ видѣ излагалъ ему положеніе дѣлъ въ Константинополѣ въ одномъ своемъ письмѣ, которое послалъ къ нему вмѣстѣ съ своими бесѣдами. Письмо это довольно хорошо резюмируетъ всѣ средства нападенія, какія употребляла его партія противъ сторонниковъ церковнаго преданія.

„У нѣкоторыхъ людей въ нашемъ городѣ, писалъ онъ къ Целестину, мы замѣтили немаловажную порчу праваго ученія вѣры, и каждодневно стараемся уврачевать этихъ больныхъ то кротостію, то строгостію. А болѣзнь то ихъ очень серьезна: она близка къ гнили аполапнаріева и аріева ученія. Говоря о вочеловѣченіи Господа, эти люди допускаютъ какое то сораствореніе и смѣшеніе (естествъ); одни по невѣжеству, а другіе по еретическому лжеученію давно въ нихъ тайвшемуся, они открыто богохульствуютъ, что Богъ Слово, единосущный Отцу, получилъ начало свое отъ Христородицы Дѣвы, какъ бы принявъ отъ нея бытіе свое,— что, бывъ образованъ въ ней вмѣстѣ съ своимъ храмомъ, Онъ и погребенъ былъ вмѣстѣ съ плотію своею;—короче скажу: что и божество Единороднаго началось вмѣстѣ съ плотію, и вмѣстѣ съ плотію умирало. А по воскресеніи Оно опять сорастворилось съ плотію, при чемъ плоть, воссоеди-

вившаяся съ божествомъ, не осталась тою же, а сдѣталась божественною, получивъ обоженіе въ самомъ Словѣ. . Они и Дѣву Христородицу съ какою-то дерзостію не страшаться называть *Богородицею*, тогда какъ святые отцы никейскіе сказали только, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ воплощенъ отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы. Я не говорю уже о словахъ Писанія, которое называетъ ее всегда матерію Христа, а не Бога Слова. Сколько споровъ мы выдержали въ борьбѣ прогивъ этого ученія, молва, думаю, давно уже извѣстила твое блгочестіе; она, полагаю, обратила твое вниманіе и на то, что мы не напрасно подвизались, потому что многіе, имѣвшіе превратныя понятія, несогласныя съ нашими, по милости Господа, исправлены нами. Если кто употребляетъ слово *θεοτόκος* по отношенію къ человѣческому естеству, родившемуся въ соединеніи съ Богомъ Словомъ, то мы рѣшительно говоримъ, что это слово не соотвѣствуетъ тому, что она (Марія) родила; потому что истинная мать должна быть одной природы съ тѣмъ, кто родился отъ нея. Впрочемъ, можно допустить употребленіе этого слова и по отношенію къ Дѣвѣ въ томъ смыслѣ, что храмъ Бога Слова, нераздѣльный съ Нимъ, произошелъ отъ нея, а огнюдь не въ томъ, чтобы она была матерію Бога Слова; потому что ни одна мать не можетъ родить того, кто былъ прежде ея ¹⁾.

Это различіе смысловъ въ словѣ *θεοτόκος* воспроизведено было несторіанами въ теченіе спора постоянно. Кириль писалъ: „Пусть Несторій назоветъ Марію Богородицею, и я открою ему братскія объятія“ ²⁾ Несторій соглашался наконецъ и на это названіе, но соединялъ съ нимъ свой особенный смыслъ: Марія Дѣва, по его ученію, можетъ быть называема и матерію Божію, но только въ томъ от-

¹⁾ Concil. Vienne II p. 182

²⁾ Synod. ep. 7

ношеніи, что она родила не просто человѣка, а человѣка соединеннаго съ Богомъ, и по причинѣ этого соединенія именуемаго также Богомъ, что изъ ея утробы, вмѣстѣ съ рожденнымъ отъ нея человѣкомъ, изшелъ сочетавшіися съ нимъ Богъ, но отнюдь не въ томъ, что она родила непосредственно Самого Бога—Слова. „Я не отнимаю у Маріи Дѣвы славы, говорилъ онъ въ одной бесѣдѣ своей къ народу; знаю, напротивъ, что достойна всякаго почитанія та, которая приняла въ себя Бога, чрезъ которую явился или изшелъ въ міръ Богъ всяческихъ. Но (я не довѣряю рукописаніямъ вашимъ), какъ вы поняли слово *изшелъ* (*προῆλθεν*)? По моему, это не тоже, что—родился; я не такъ скоро забываю себя. Что Богъ Слово изшелъ отъ Христородицы Дѣвы, этому я научился изъ божественнаго писанія; а что Богъ родился отъ нея, этому Писаніе нигдѣ не учитъ“..... „Ибо иное дѣло явиться въ міръ вмѣстѣ съ рожденнымъ, и иное—родиться“¹⁾. И въ другомъ мѣстѣ: „И сущаго по плоти Христа, родившагося отъ Дѣвы Маріи, мы именуемъ Богомъ, но только по причинѣ сопряженія его съ Богомъ, дабы никто не упрекнулъ насъ въ обоженіи человѣка“ Не само по себѣ есть Богъ то, что образовалось въ утробѣ Дѣвы, не само по себѣ—Богъ то, что создано Духомъ, не само по себѣ Богъ то, что положено во гробъ ибо въ такомъ случаѣ мы были бы явными челоѣкопоклонниками и мертвопоклонниками. Но какъ въ воспріятomъ (человѣкѣ) обиталъ Богъ, то и воспріятый, какъ соединеннымъ съ воспріявшимъ (Богомъ), отъ воспріявшаго именуется также Богомъ“²⁾. „Тѣло Іисуса Христа, писалъ еще Несторій, конечно, есть храмъ божества его, соединенный съ божествомъ высокимъ, божественнымъ союзомъ, но приписывать самому божеству качество тѣла, съ нимъ соединеннаго, ка-

¹⁾ Concil. III сч. извѣщенія изъ сочиненія Несторія, читанныя на Соборѣ.

²⁾ Ibid

ковы рожденіе, сгряданіе, смерть, есть такое неправильное мнѣніе, какое можетъ принять только или умъ язычниковъ, или умъ зараженный ученіемъ сумасброднаго Аполлинарія, Арія и другихъ какихъ либо еретиковъ, еще далѣе ихъ заблудившихся отъ истины¹⁾. Въ соединеніи естество, божескаго и человѣческаго, въ лицѣ Іисуса Христа, сына Маріи Дѣвы, Несторій видѣлъ и признавалъ соединеніе только чиста нравственное, а не реальное, единеніе различныхъ по существу лицъ въ произволеніи и чести; поэтому и выражалъ его такимъ словомъ (συνάφεια), которое означало больше сочеганіе, содружество, чѣмъ истинное единство (ἕνωσις). Вслѣдствіе этого, вмѣсто того чтобы называть Марію Дѣву матерію Бога или матерію человѣка, онъ считалъ лучшимъ именовать ее матерію Христа, Христородицею (Χριστοτόχος), потому что Христось совмѣщаетъ въ себѣ оба естества, божеское и человѣческое; а наименованіе—θεοτόχος усвоилъ одному Богу Отцу²⁾.

Эти доводы, постоянно повторяемые и развиваемые несторианами, казались правдоподобными и, какъ видно изъ письма Несторія къ Целестину, не оставались бездѣйственными. —Чтобы отнять у нихъ ободряющую силу и положить предѣлъ дальнѣйшему распространенію соблазна, Кириллъ не оставилъ ихъ безъ отвѣта, изложивъ ученіе вѣры о тайнѣ Воплощенія въ его истинномъ свѣтѣ. Это сдѣлалъ онъ въ одномъ довольно пространномъ письмѣ, которое извѣстно было въ древности подъ названіемъ „второе письмо“ къ Несторію, или тома, какъ это былъ полный трактатъ о Воплощеніи. Оно появилось на свѣтъ въ началѣ февраля 430 года³⁾ и

1) Concil. III. p. 352.

2) Asserebat autem Nestorius, Mariam Virginem dicendam esse Χριστοτόχον, quod medium quoddam Nestorio videbatur inter θεοτόχον et ἀνθρωποτόχον. Prout Patrem dixit esse θεοτόχον, qui Deum genuisset, verius Θεογεννήτορα. Sic Mariam Θεοδόχον, Dei susceptricem, quod et de Christo secundum Nestorium dici potuit, uti Christum hominem Θεόφωρον esse agebat. Tr. Spanh. I. p. 995.

3) Concil. III p. 163—166. Mercator. II. p. 15.

считается самымъ лучшимъ произведеніемъ Кирилла, въ которомъ достоинства и недостатки его, какъ писателя, выступаютъ во всей силѣ. Слогъ этого письма сухъ, чуждъ всякихъ прикрасъ и изящества, и авторъ его, мало заботясь о риторической отдѣлкѣ фразъ, все вниманіе свое сосредоточиваетъ на точности выраженій и логической силѣ доказательствъ; но тѣсно сомкнутая и строго послѣдовательная аргументація его захватываетъ умъ читателя и увлекаетъ его къ послѣднему своему выводу; обширная ученость, глубокое знаніе отцовъ и Писанія приходятъ на помощь къ логикѣ ума и подтверждаютъ основательность умозаключеній авторитетомъ высшаго порядка¹⁾. Съ этого времени *второе письмо* Кирилла къ Несторію заняло первенствующее мѣсто въ спорѣ, и мы увидимъ впоследствии, что на него будутъ ссылаться на соборахъ какъ на документъ имѣющій каноническое значеніе.

Кириллъ въ этомъ письмѣ своемъ, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ своихъ, является человѣкомъ преданія. Онъ беретъ общепринятое церковно толкованіе тайны Воплощенія, изложенное въ никейскомъ символѣ вѣры, вдумывается въ точный смыслъ этого изложенія и развиваетъ изъ него цѣлое связное и строго послѣдовательное ученіе. Основные положенія его ученія таковы: „Вѣруя и исповѣдуя со святымъ и великимъ соборомъ отцовъ, что едиnorodный Сынъ Божій, рожденный отъ существа Его, ради нашего спасенія сошелъ съ небесъ, воплотился и вочеловѣчился..., мы признаемъ и различаемъ во единомъ Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ двойное естество, божеское и человѣческое, несмѣянно

¹⁾ Представленная авторомъ оцѣнка „второго письма Кирилла къ Несторію“ несколько преувѣличена: въ этомъ, очень не большомъ по объему, письмѣ вовсе не видно ни обширной учености автора, ни особеннаго знанія отеческихъ твореній; это не болѣе какъ краткое, но въ высшей степени точное и строго логическое изложеніе истиннаго смысла ученія вѣры, содержащагося во 2-мъ, 3-мъ и 4-мъ членѣ никейскаго символа. *Примѣч. переводчика*

и непреложно соединенныя между собою въ единствѣ Его ипостаси, а вмѣстѣ съ тѣмъ и двоякое рожденіе, вѣчное — отъ Бога Отца, и временное — отъ Дѣвы Маріи, являющія намъ единого Сына Божія. „Когда мы говоримъ, что *Богъ Слово воплотился и воочеловѣчился*, то мы не представляемъ при этомъ, что естество Слова, измѣнившись, стало плотію, или что оно предложилось въ цѣлаго человека, состоящаго изъ души и тѣла; но утверждаемъ, что Слово, соединивъ съ собою въ единствѣ лица тѣло, одушевленное разумною душею, неизреченно и неоспигнимо для ума нашего стало человѣкомъ, не переставая бытъ Богомъ. Такимъ же образомъ, когда мы говоримъ, что сущій и рожденный отъ Отца прежде вѣковъ по плоти родился и отъ жены, то мы понимаемъ это огнюдо не такъ, какъ бы божественное естество Его приняло начало бытія въ святой Дѣвѣ, и не такъ, какъ бы Онъ послѣ рожденія отъ Отца имѣлъ нужду родиться еще отъ нея, — говорить такъ было бы безразсудно и легкомысленно, но такъ какъ Онъ ради насъ и ради нашего спасенія родился отъ жены, соединивъ съ собою въ свою ипостась естество человѣческое, то поэтому и говорится, что Онъ родился плотію. Это мы понимаемъ не такъ, что прежде родился отъ святыя Дѣвы простой человѣкъ, на котораго послѣ сошло Слово, но такъ, что само Слово, непосредственно соединившись съ плотію въ утробѣ Дѣвы, родилось отъ нея по плоти, усвоивъ себѣ плоть, съ которою родилось“. — „Такимъ же мы исповѣдуемъ Его и въ страданіи и въ смерти и въ воскресеніи. Мы не говоримъ, что Слово Бога по своему божественному естеству подвергалось страданіямъ, потому что божественное естество, какъ безтѣлесное, не причастно страданіямъ; но такъ какъ страданіямъ этимъ подверглось *Его собственное тѣло*, то поэтому и говоримъ, что Слово Божіе пострадало за насъ плотію. Такимъ же образомъ мы постигаемъ и смерть Его: Слово Божіе само въ себѣ по естеству своему безсмертно, неглыбно, есть сама жизнь и сила животворящая; но такъ какъ Его собственное тѣло

вкусило за всѣхъ насъ смерть, то и говоримъ, что Оно претерпѣло за насъ смерть. Точно также мы мыслимъ, когда относимъ къ Нему же и воскресеніе Его тѣла. Такимъ образомъ мы исповѣдуемъ и почитаемъ Христа единымъ и нераздѣльнымъ; мы не говоримъ, что покланяемся въ Немъ Богу Слову *вмѣстѣ* съ человѣкомъ, опасаясь, чтобы съ словомъ *вмѣстѣ* не возникло въ нашемъ умѣ представленіе о раздѣльности лицъ; но покланяемся одному и тому же лицу, потому что тѣло Бога Слова не есть какое либо особое, отдѣльное отъ Него существо, а Его собственное, ипостасно соединенное съ Нимъ тѣло¹.

„Если бы мы стали отвергать это ипостасное соединеніе во Христѣ двухъ естествъ, какъ что-то непонятное и странное, то должны были бы признать въ Немъ двухъ сыновъ и одного изъ нихъ называть собственно человѣкомъ, удостоеннымъ званія Сына Божія, а другаго — собственно Словомъ Бога, какъ имѣющаго нѣмалѣйшее достоинство сыновства по естеству своему. Но правое ученіе вѣры признаетъ и исповѣдуетъ *едино* Господи Іисуса Христа, Сына Божія, а не двухъ сыновъ. Оно нисколько не поддерживается и тѣмъ, что нѣкоторые считаютъ за лучшее допустить соединеніе лицъ, потому что Писаніе говоритъ, что *Слово плоть бысть* т. е. усвоило себѣ человѣческое плоть и отъ жены родилось человѣкомъ, а не то, что Оно соединило съ собою лице человѣка... Таково ученіе правой вѣры повсюду исповѣдуемое. Поэтому святые отцы дерзновенно говорили, что святая Дѣва есть Богородица, не потому, что естество Слова или божество Его началось по бытію отъ святой Дѣвы, но потому что отъ нея родилось одушевленное разумною душою святое тѣло, съ которымъ ипостасно соединилось Слово, и такимъ образомъ родилось отъ нея по плоти² 1). Таково въ существенныхъ чертахъ ученіе Кирилла, изложенное въ разсмагиваемомъ письмѣ въ Несторию.

¹ Council III. p. 163—166.

Одновременно съ этимъ письмомъ къ Несторию Кириллъ писалъ къ членамъ своего клира, жившимъ въ Константинополѣ по дѣламъ александрийской церкви ¹⁾, разоблачая предъ ними все тѣ, приводившіе ихъ въ смущение, злоухищренныя извороты мысли, въ какихъ въ устной и письменной полемикѣ прибѣгали несториане для того, чтобы свое неправое учене представить согласнымъ съ вѣрою святыхъ отцовъ никейскаго собора, а учене своихъ противниковъ, и Кирилла въ особенности, несогласнымъ. Упомянувъ, между прочимъ, о двухъ полемическихъ сочиненіяхъ несторианъ, посланныхъ ими къ мученику діакону Вульфъ, laborливо принимавшему участие въ дѣлахъ церкви, — изъ коихъ одно написано было противъ „письма Кирилла къ пустынникамъ“ а другое „противъ тѣхъ, которые въ учени о соединеніи естества во Христѣ или унижаютъ божество Единороднаго, или боготворятъ челоѣчество“, — Кириллъ писалъ: Противники наши укоряютъ насъ, будто мы учимъ и утверждаемъ, что вѣчное и непричастное страданіямъ божественное естество Слова родилось отъ Дѣвы и пострадало. Но никто не доходилъ еще до такого безразсудства. Мы говоримъ и учимъ со святымъ соборомъ, что родилось отъ Дѣвы и страдало само Слово, отъ котораго все получило бытіе, но родилось и страдало плотію, а не божествомъ. Мы говоримъ, что само Слово страдало, когда страдало тѣло тѣло, въ такомъ точномъ смыслѣ, въ какомъ говоримъ о челоѣкѣ, что страдаетъ душа его, когда страдаетъ только тѣло ея — такъ какъ она сама въ себѣ, по естеству своему, не подлѣжитъ тѣлеснымъ страданіямъ. Скрытая мысль противниковъ нашихъ представить два естества во Иисусѣ Христѣ не только ра личными, но и отдѣльными, самостоятельно въ видѣ двухъ лицъ существующими, и такимъ образомъ — признавъ во единомъ Господѣ

¹⁾ Посланіе Кирилла къ константинопольскимъ клирикамъ, сущенныя разномысленія въ церкви, Concil. III р. 172

двухъ Христовъ и двухъ Сыновъ, изъ которыхъ одинъ есть только человѣкъ, а другой есть только Богъ, и допустить въ Немъ только сочетаніе лицъ (различныхъ), а не соединеніе естествъ (въ одномъ лицѣ); отъ этого то они такъ и цвѣтисты на словахъ, такъ и искусны не *писвати вини о грѣсахъ*“¹⁾.

Константинопольскій патріархъ, такъ сильно изобличенный Кирилломъ въ искаженіи праваго ученія вѣры, попробовалъ ускользнуть изъ могучихъ рукъ своего противника однимъ вѣроломнымъ ударомъ, который, по его расчету, долженъ былъ лишить его навсегда возможности предить ему. Не задолго предъ тѣмъ въ имперскій городъ прибыла толпа египетскихъ авантюристовъ съ жалобою къ императору на жестокія обиды и насилія, причиненныя имъ александрійскимъ патріархомъ. Трое изъ этихъ египтянъ, наиболѣе важные, вазывались: Херемонъ, Викторъ и Софроній слуга извѣстнаго Флавіана, прозваннаго *банкротомъ*, въ числѣ ихъ находился даже пресвитеръ. Все это были люди, въ сущности, далеко не почтенные, и апокрисіарій или повѣренный Кирилла, завѣдывавшій его дѣлами въ Константинополѣ, далъ объ нихъ такія свѣдѣнія, которыя напередъ заставляли отступиться отъ нихъ всякаго защитника и покровителя, который не имѣлъ интереса воспользоваться ими, какъ орудіемъ, для достиженія личныхъ своихъ цѣлей. Онъ выставилъ ихъ какъ отъявленныхъ негодяевъ, готовыхъ на всякое зло²⁾, какъ людей самыхъ дурихъ правыхъ и всѣмъ презираемыхъ въ городѣ: одинъ изъ нихъ обнажилъ мечъ на свою мать; другой приѣснялъ и обкрадывалъ увѣчныхъ и бѣдныхъ,—вѣроятно, въ какой нибудь богадельнѣ; третій, въ соучастіи съ служанкой, похитилъ деньги у другого; четвертый оцозорилъ своего епи-

¹⁾ Concil. III, p. 173

²⁾ *Iniquissimi homines nihil non audent; coalitam enim malitia habent.* Concil. III p. 566 Cyprii *Epist.* 8.

свопа,—это, конечно, пресвитерь. Такъ говорилъ объ нихъ авоврисарій ¹⁾; но сами эти люди говорили о себѣ, конечно, совсѣмъ иное, выставляя себя невинными жертвами сребролюбия и деспотизма своего епископа,—и они умѣли убѣдить въ истинѣ своихъ словъ тѣхъ, кто хотѣлъ ихъ слушать. Несторій не колебался принять ихъ подъ свое покровительство, онъ представилъ ихъ городскимъ судьямъ и другимъ сановнымъ лицамъ, рекомендовалъ вниманію самого императора и принималъ даже въ епископскій свой домъ, гдѣ и показывалъ ихъ всякому приходящему. Здѣсь-то, какъ надобно полагать, въ виду этихъ невинныхъ жертвъ тиранни Египтянина, громко произносились, а затѣмъ разносились и по всему городу, тѣ въ высшей степени оскорбительныя и злобныя рѣчи объ александрійскомъ патриархѣ, его управленіи и характерѣ, о коихъ упоминалъ Кириллъ въ своемъ письмѣ къ Несторию ²⁾

Императоръ, предубѣжденный противъ Кирилла Несторіемъ и царедворцами, находилъ это дѣло настолько важнымъ, что полагалъ нужнымъ вызвать александрійскаго патриарха въ Константинополь для отвѣта предъ свѣтскими судьями. Несторій же, напротивъ, высказывался и стоялъ за судъ церковный на томъ основаніи, что одинъ изъ принесшихъ жалобу на Кирилла былъ пресвитерь, и что всѣ они были судимы и осуждены на церковномъ судилищѣ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, рассчитывалъ Несторій, председательство на судѣ должно бы было по праву принадлежать ему самому, а онъ ужъ, конечно, не былъ бы снисходителемъ. Когда эти вещи переданы были Кириллу александрійскими клириками, жившими въ Константинополѣ ³⁾, то онъ немедленно написалъ къ императору прошеніе, въ

¹⁾ Concil. III. p. 163

²⁾ Cyril. *Epist.* 4. 6

³⁾ Concil. III. p. 174

которомъ рѣшительно отклонялъ судъ надъ собою Несторія, какъ своего личнаго врага, но изъявлялъ полную готовность явиться на судъ составленный изъ главныхъ епископовъ Востока или сановниковъ вполне безпристрастныхъ ¹⁾). Это поставило императора въ затрудненіе, а Θεодосій не любилъ затрудненій; онъ колебался, раздумывалъ, совѣщался,—и оглохилъ все это дѣло въ долгій ящикъ, гдѣ оно безъ дальнѣйшаго движенія совсѣмъ заглохло.

Между тѣмъ богословскій споръ продолжалъ идти своимъ порядкомъ. Въ отвѣтъ на *второе* письмо Кирилла къ Несторію, излагавшее правое учене перкви о Воплощеніи и обличавшее Несторія въ непониманіи и искаженіи этого ученія, Константинопольскій патріархъ съ своей стороны посылалъ Кириллу довольно пространное письмо, въ которомъ, изъяснивъ учене св. отцевъ никейскаго собора о Воплощеніи съ своей точки зрѣнія, въ свою очередь обличалъ Кирилла въ непониманіи точнаго смысла этого ученія и логическихъ противорѣчій самому себѣ ²⁾). Отъ начала и до конца письмо это написано такимъ гордымъ, полупрезрительнымъ тономъ, который тотъ се не приписывалъ Несторію въ отношеніи къ Кириллу. Кириллъ хорошо понималъ, что вся эта гордая и высокомерная осанка Несторія держится главнымъ образомъ на расположеніи къ нему императора и его двора. Чтобы хотя нѣсколько поколебать эту опору подъ ногами Несторія, Кириллъ отправилъ къ императору *меморъ* или *записку о вѣрѣ* — *περί πίστεως προσφυγής*, въ которой, изложивъ различныя неправыя мнѣнія о лицѣ Іисуса Христа, возмущавшія миръ церкви, а въ томъ числѣ и новое учене проповѣдуемое Несторіемъ, въ формѣ выдержекъ изъ его сочиненій, не называя его однакожъ поименно, доказывать явную неправогу его и несогласіе съ ученіемъ Слова Божія призывая Императора содержать и охранять свягую

¹⁾ Ibid, Cyril Epist. 8

²⁾ Council III p. 166—170

истину вѣры отцовъ, какъ основаніе мира и благоденствія государства, въ неизмѣнной чистотѣ и положитѣльнѣйшій конецъ религіознымъ смутамъ возмущающимъ константинопольскую церковь¹⁾. Но, не довольствуясь этимъ, онъ въ то же время послалъ другой мемюаръ о томъ же предметѣ „царственнымъ двѣамъ“, т. е. Пульхеріи и ея сестрамъ, мемюаръ, значительно отличающійся отъ перваго и содержаниемъ и формою, полнынъ многочисленныхъ цитатъ изъ отеческихъ твореній, сопровождаемыхъ учеными комментаріями ихъ²⁾. Этотъ второй мемюаръ видимо написанъ былъ въ иномъ духѣ, чѣмъ первый, и невольно заставлялъ предполагать въ составитель его гораздо большее уваженіе къ правовѣрью и богословскому знанію гдѣхъ особъ, къ коимъ онъ былъ адресованъ. Это различіе въ характерѣ, содержаніи и формѣ мемюаровъ не ускользнуло отъ вниманія Θεодосія, задѣло его самолюбіе и возбудило сильное раздраженіе „Что бы это была за причина, думалъ онъ, что Кириллъ иное пишетъ мнѣ императору и иное сестрѣ моеи Пульхеріи такъ какъ бы онъ зналъ о разномыслии между нами? Если онъ ничего не зналъ объ этомъ разномыслии, то зачѣмъ же посылалъ такъ, какъ бы хотѣлъ, чтобы оно возникло между нами? Если же зналъ, то дѣло ли это священника—шпионить за семействомъ своихъ государей, чтобы посѣвать въ немъ раздоръ?“ Такъ думать и говорить Θεодосій, и въ гнѣвѣ своемъ повторялъ всѣмъ окружающимъ его, что александрійскій патріархъ смутникъ, дерзкій и злой человѣкъ, что онъ—Θεодосій дастъ ему хорошо почувствовать за это. Мы увидимъ, что гнѣвъ его на Кирила дѣйствительно былъ продолжителенъ и упоренъ...

¹⁾ Cyrilli episcopi alex de recta in Dominum no trant le um Christum fide liber religiosissimo Imperatori Theodosio nuncupatus. Concil III p 20—25.

²⁾ Cyrilli episcopi alex liber religiosissimis reginis nuncupatus Concil III p 52—119 n. Cyrilli oratio altera inscripta religiosissimis reginis de recta fide ibid p 119—161.

Итакъ, въ константинопольскомъ дворцѣ Несторій торжествовалъ; далеко не такъ посчастливилось ему въ Римѣ у епископа вѣчнаго города. Мы уже говорили, что онъ воспользовался посылкою своихъ бесѣдъ къ папѣ Целестину, чтобы объяснить ему по своему ту борьбу, которую онъ велъ въ Константинополь, и то учене, которому хотѣлъ дать перевѣсъ. Но папа Целестинъ, поглощенный дѣлами Запада, не могъ въ скоромъ времени отвѣчать на его письма¹⁾, „такъ какъ ихъ надобно было перевести на латинскій языкъ, а это дѣло, по причинѣ витіеваго ихъ изложенія дѣлалось не скоро“²⁾. Онъ не принялъ еще ни чьей стороны, когда чрезъ діакона Посидонія получилъ посланіе отъ Кирилла, въ которомъ александрійскій патріархъ излагалъ ему настоящее состояніе религиозныхъ дѣлъ въ Константинополь съ своей точки зрѣнія, представляя его въ самомъ плачевномъ видѣ. „До настоящаго времени, писалъ онъ Целестину, я молчалъ и ни къ твоему благочестію, ни къ другому кому либо изъ нашихъ сослужителей, вѣщаю не писалъ о нынѣшнемъ правителѣ константинопольской церкви, думая, что поспѣшность въ такомъ дѣлѣ заслужитъ неодобреніе, но такъ какъ зло достигло уже крайней степени, то я почелъ за непремѣнную обязанность не молчать больше и, слѣдуя давнему обычаю церкви входить въ сношеніе съ своимъ благочестіемъ, написать тебѣ обстоятельно о происшедшихъ смутахъ въ церкви отъ процовѣдуемаго имъ страннаго и недѣльнаго вымысла, — я не хочу называть его ученіемъ, — противнаго апостольской и евангельской вѣрѣ, которую отцы сохранили въ точности и передали намъ какъ

1) Несторій не получилъ отъ папы Целестина отвѣта ни первое свое писмо, ни послать ему *второе* писмо на его же содержаніи Concil III p 182

Примѣч переводчика

2) Cf Epistola Celestini ad Nestorium Concil III p 184

многоцѣнную жемчужину .. Дѣло дошло до того, что въ настоящее время константинопольскій народъ уже не бываетъ болѣе при соборныхъ молитвословіяхъ вмѣстѣ съ своимъ епископомъ, кромѣ немногихъ, легкомысленныхъ или льстецовъ, почти всѣ монастыри и ихъ архимандриты, равно какъ и многіе изъ членовъ сената, не бываютъ болѣе при богослуженіяхъ, имъ совершаемыхъ, боясь, чтобы вѣра ихъ не сдѣлалась неправою отъ того превратнаго учения, которое онъ и его клеветы, пришедшіе съ нимъ изъ Антиохіи, разглашаютъ . Признаюсь, что я, какъ только узналъ объ его ученіи, соборною грамотою хотѣлъ было извѣстить его, что мы не можемъ входить въ общеніе съ тѣмъ, кто проповѣдуетъ такое противохристіанское учене, но я этого не сдѣлалъ. Разсудивъ, что поскользающимся надобно подать руку для поддержанія ихъ и узнавшихъ надобно поднять, какъ братій, я въ письмѣ своемъ къ нему совѣтывалъ ему по братски отстать отъ несчастиваго учения своего, когда же отъ этого не получить никакой пользы, то написалъ къ нему и другое посланіе, въ которомъ, кратко изложивъ учене правой вѣры, убѣждалъ и заклиналъ его Богомъ сообразно съ тѣмъ и мыслить и говорить; но и этимъ не принесъ никакой пользы; онъ и теперь остается таковъ же, какъ и прежде, и не перестаетъ говорить превратное. . Мы и теперь не хотимъ открыто прервать наше общеніе съ нимъ, не сдѣлавъ напередъ сношенія съ твоимъ благочестіемъ. По этому благоволіи письменно изложить мнѣніе свое, должно ли намъ еще имѣть общеніе съ нимъ, или прямо объявить, что бы никто не входить въ общеніе съ нимъ, когда онъ остается съ такимъ образомъ мыслей и такъ учить. Сужденіе твоего благочестія мы письменно передадимъ епископамъ Македоніи и всѣмъ прочимъ пастырямъ восточныхъ церквей, которые, считаю нужнымъ извѣстить тебя, совершенно согласны со мною въ ученіи вѣры и ждутъ только слова одобренія отъ твоего благочестія, чтобы, имѣя въ немъ опору и оружіе, выступить единодушно и единомысленно на подвигъ

за правую вѣру, противъ которой открылась брань¹⁾. Чтобы дать возможность Целестину яснѣе видѣть и основательнѣе обсудить, чему учить и какъ мыслить та и другая изъ борющихся сторонъ, Кирилль, вмѣстѣ съ письмомъ, послалъ ему какъ свои собственныя, доселѣ опубликованныя, сочиненія по текущему вопросу, такъ и часть бесѣдъ Несторія²⁾. Прочитавъ это письмо и выслушавъ отъ діакона Носидонія подробное и обстоятельное изложеніе всего хода этого дѣла, о которомъ писалъ Кирилль, римскій епископъ ясно увидѣлъ, какъ серьезно было положеніе дѣлъ въ Константинополѣ; онъ велѣлъ перевести на латинскій языкъ сочиненія обѣихъ сторонъ³⁾, затѣмъ созвалъ соборъ изъ итальянскихъ епископовъ, чтобы на немъ сообща обсудить все это дѣло и принять надлежащіе мѣры къ пресеченію дальнѣйшаго распространенія смутъ, возникшихъ въ константинопольской церкви. — Это было все, чего желать Кирилль. Онъ возбудилъ противъ врага своего самого грознаго противника, а вмѣстѣ съ тѣмъ самъ лично вошелъ въ милость и благорасположеніе римской церкви съ того самого момента,

¹⁾ Cypil. epist. 9. Concil. III p. 177—179.

²⁾ Ibid; Theoph. p. 76. Meisat. II. p. 54

³⁾ Считаю нужнымъ замѣтить, что Кирилль, послая Целестину сочиненія свои, какъ видно изъ письма его, приложилъ къ нимъ и латинскій переводъ ихъ, сдѣланный по его распоряженію въ Александрію; стало бытъ вновь переводить ихъ не было нужды. Что же касается до бесѣдъ Несторія, то распоряженіе о переводѣ ихъ на латинскій языкъ поступило отъ Целестина вѣстѣе за получениемъ ими этихъ бесѣдъ при письмѣ Несторія. Въ Римѣ въ это время былъ одинъ ученый и краснорѣчивый діаконъ, по имени Левъ, послѣдствіемъ нава Левъ Великій; ему то и поручено было Целестиномъ сдѣлать этотъ переводъ. Левъ пригласилъ къ себѣ въ сотрудники другого ученаго богослова, хорошо знакомаго со всѣми томиками эллинизма, Іоанна Кассіана, ученика Іоанна Златоуста. Кассіанъ не ограничился однимъ только переводомъ бесѣдъ Несторія на латинскій языкъ, но и написалъ въ опроверженіе учения Несторія цѣлый трактатъ: *de Incarnatione*. Такимъ образомъ къ тому врѣмени, какъ Целестинъ созвалъ Соборъ, ученіе Несторія было уже вполнѣ извѣстно; оставалось только обсудить его. *Примѣч. переводчи.*

какъ возобновили древній союзъ римской церкви съ александрійскою, прерванный по его собственной винѣ и винѣ предшественника своего Теофила въ продолженіе четверти вѣка.

Союзъ церкви Рима и Александріи, основывавшійся на согласіи въ характерѣ и направленіи ихъ ученій и поддерживаемый взаимными услугами, былъ дѣломъ великой важности въ исторіи церкви. Римъ, занятый болѣе практическими дѣлами управленія, чѣмъ теоретическими изслѣдованіями о предметахъ вѣры, охотно принималъ догматическія рѣшенія вопросовъ вѣры, исходившія изъ Александріи. Онъ охотно также отверзалъ дверь убѣжища учителямъ александрійской церкви, которые бывъ побуждены въ великихъ богословскихъ битвахъ, театромъ коихъ былъ Востокъ, искали себѣ защиты и поддержки въ Римѣ,—чему свидѣтель Аѳанасій, радушно принятый въ Римѣ и мощно поддержанный имъ въ своихъ правахъ, и ученіе его о *единосущии*, принятое и защищаемое Римомъ въ то время, когда за моремъ господствовалъ аріанизмъ. Александрія съ удовольствіемъ видѣла, съ какою горячію Римъ защищалъ ее, когда угрожали ея преимуществамъ римская церковь всегда отказывалась признать правило втораго вселенскаго Собора, который лишилъ ея союзницу принадлежавшаго ей первенства на Востокъ въ пользу константинопольской церкви. За эти добрыя услуги и дружбу Рима Александрія платила ему тѣмъ, что облегчала епископу вѣчнаго города доступъ во всѣ дѣла Востока. Благодаря этой могущественной поддержкѣ, влияние римскаго престола возрасло на Востокъ до такой степени, что грозило распространить его господство и на эту вторую половину христіанскаго міра. Итакъ, со стороны Рима, союзъ его съ Александріею состоялъ въ томъ, чтобы сдѣлать александрійскаго патріарха первенствующимъ на Востокъ, подъ условіемъ, чтобы онъ самъ преклонился предъ высшимъ первенствомъ того, который уже титуловалъ себя вселенскимъ патріархомъ.

Доброе согласіе этихъ двухъ церквей нарушено было назадъ тому двадцать четыре или двадцать пять лѣтъ по поводу преслѣдованія Іоанна Златоуста. Возмущенный поступками александрійскаго патріарха Θεοφιλα, главнаго виновника преслѣдованія этого великаго мужа, папа Иннокентій отлучилъ его отъ общенія съ своею церковію. Преемники Иннокентія удерживали это отлученіе и надъ Кирилломъ, не хотѣвшимъ вписать въ диптихи имя мученика, палачемъ котораго былъ его дядя.—Дѣла оставались въ такомъ положеніи и всѣ сношенія Александріи съ Римомъ были прерваны, пока Кириллъ, видя тамъ и сямъ поднимающіяся во кругъ него бури, не пожалѣлъ объ изолированномъ своемъ положеніи. Онъ тотчасъ прекратилъ его, когда въ одинъ прекрасный день рѣшился внести въ свои диптихи имя Златоуста, внушавшее ему такой ужасъ: это значило, что онъ изъявляетъ покорность римской церкви и проситъ ее принять его въ общеніе съ собою. Целестинъ, занимавшій въ это время престолъ св. Петра, съ радостію принялъ кающагося патріарха, и пастыреначальники двухъ церквей послали другъ другу поцѣлуй мира съ той горячностію чувства, которая сопровождаетъ возстановленіе прерванныхъ отношеній дружбы.

Впрочемъ, Кириллъ нисколько не сомнѣвался въ успѣхѣ своемъ въ Римѣ по дѣлу Несторія и помимо этого. Онъ былъ увѣренъ напередъ, что римская церковь, какъ церковь преданія прежде всего, станетъ на сторонѣ его, какъ учителя традиціонной вѣры, выступившаго въ борьбу съ опасными новшествами. И онъ не обманулся: его приняли въ Римѣ самымъ сочувственнымъ образомъ, его ученіе и образъ дѣйствій по отношенію къ Несторію вполне одобрили, и какъ бы въ доказательство этого полного довѣрія къ нему, папа уполномочивалъ его дѣйствовать впередъ отъ имени не одной только александрійской, но и римской церкви, въ качествѣ своего *мьстоблюстителя*. Кириллъ могъ теперь поспорить силою и вліяніемъ съ Несторіемъ; если

этого послѣдній имѣлъ на своей сторонѣ императора Востока, то Кирилъ—римскаго папу, а въ случаѣ нужды и императора Запада, который, конечно, не отказался бы поддержать римскую церковь въ дѣлѣ касавшемся католической вѣры. Отсель религіозная борьба уже не была, какъ вначалѣ, борьбою одного вліятельнаго богослова съ другимъ, патриарха alexandрійскаго съ патриархомъ константинопольскимъ; поле борьбы расширилось вмѣстѣ съ числомъ и качествомъ борцовъ. Кирилъ—мѣстоблюстителъ папы, говорящій и дѣйствующій отъ его имени, удвоилъ свою силу.

Нужно было, не теряя времени, открыть рѣшительную кампанію противъ Несторія, потому что ересь все болѣе и болѣе усиливалась въ Константинополѣ, и отъ поддержки, оказываемой ей Императоромъ и дворомъ, можно было опасаться всего худшаго. Собравшійся въ Римъ подъ председательствомъ папы Целестина соборъ итальянскихъ епископовъ, признавъ ученіе Несторія противнымъ вѣрѣ римою и католической церкви¹⁾, былъ того мнѣнія, что для пресеченія зла, распространяемаго въ церкви ересью, надобно поразить ее быстрымъ и рѣшительнымъ ударомъ. Въ этихъ видахъ имъ постановлено было, *вопервыхъ*, признавъ первое и второе письмо Кирилла къ Несторію за двукратное, формальное вразумленіе, сдѣланное ему отъ лица

¹⁾ О засѣданіяхъ этого собора намъ извѣстно только то, что они были публичными и посланы обстоятельному разсмотрѣнію ученія Кирилла и Несторія о Вочлющій (Concil. III, p. 197.) и что предъ началомъ засѣданій папа Целестинъ произнесъ къ участникамъ собора рѣчь о характерѣ и направленіи которой мы можемъ судить по одному сохранившемуся отрывку изъ нея. Въ этомъ отрывкѣ папа приводитъ слова Амвросія медіоланскаго, изъ составленнаго имъ гимна на день Рождества Христова, Иларія никтавійскаго, изъ его письма къ импер. Констанцію, и папы Дамаса, указывающія на полное согласие вѣры римской церкви съ ученіемъ Кирилла. Coelest. epist. ad Cyrillum edit. D. Constant. et inter Epist. Cyril. 12.

Примѣч. переводчика.

церкви. немедленно послать ему, отъ имени римскаго папы, перваго епископа христіанскаго міра, и александрійскаго патріарха, втораго епископа Востока, третье и послѣднее увѣщаніе, потребовавъ отъ него письменнаго и явственнаго огреченія отъ ложнаго своего ученія о лицѣ Іисуса Христа и искренняго обѣщанія, что будетъ исповѣдывать ту же вѣру, какую содержатъ римская, александрійская и вся католическая церковь. подъ угрозою изложенія и отлученія отъ церкви; а для этой цѣли составить краткое и точное изложеніе, по пунктамъ, какъ того, во что должно вѣрить, чамъ и чего, во что не должно вѣрить,— нѣчто въ родѣ богословскаго ультиматума, *de ultimis*, назначить ему опредѣленный, возможно краткій, срокъ, въ теченіе котораго должно быть исполнено имъ это требованіе, и именно десятидневный, со дня предьявленія ему этого постановленія. Если же онъ къ этому опредѣленному сроку не огречется письменно отъ несчастиваго своего ученія, то признать его лишеннымъ епископскаго сана, а въ случаѣ упорства, и отлученнымъ отъ церкви. Таковъ былъ планъ битвы, составленный въ Римѣ. Такъ какъ самъ папа Целестинъ, за дальностію разстоянія отъ поля дѣйствія, не могъ лично слѣдить за ходомъ дѣлъ, то привести въ исполненіе этотъ планъ онъ поручилъ Кириллу, какъ непытанному и мужественному борцу за истину вѣры противъ ереси, уполномочивъ его дѣйствовать силою и властію римскаго престола, въ качествѣ своего мѣстоимѣстителя ¹⁾,— о чемъ немедленно и увѣдомилъ его чрезъ александрійскаго діакона Посидонія, формальнымъ письмомъ, датированнымъ 11-го августа 430 г., съ приложеніемъ къ нему подлиннаго акта соборнаго опредѣленія и двухъ другихъ писемъ своихъ, одного—къ Несторію,

¹⁾ *Quamobrem nostrae sedis auctoritate adsciti, nostraque vice et loco potestate usus, epus molli non absque exquisita severitate sententiam exquiris..* Concil. III p. 181.

а другого къ константинопольскому клиру и народу, для передачи нѣ по адресу. Одновременно онъ оповѣстилъ объ этомъ особыми письмами, отправленными съ тѣмъ же Посподошемъ, и важнѣйшихъ епископовъ Востока: Іоанна антiохійскаго, Ювеналия іерусалимскаго. Руфа вессалоникскаго и Флавіана филиппійскаго ¹⁾

Важное значеніе, какое придавала Кириллу возложенная на него Римомъ миссія, еще выше подняла, и безъ того высоко стоявшій, уровень его самочувствія. Одинъ церковный историкъ говоритъ, что онъ возложилъ на свою голову митру похожую на ту, какую носили римскіе первосвященники, и велѣлъ титуловать себя *вселенскимъ судьей*, каковымъ титуломъ часто величали себя послѣ него и преемники его, епископы александрійскіе. Какова бы ни была дѣйствительность этого частнаго факта, упомянугаго въ первый разъ однимъ греческимъ компиляторомъ XIV вѣка, общій фактъ увеличенія, если не дѣйствительнаго авторитета, то пригизаній александрійскаго патріарха вълѣдствіе тѣснаго союза его съ Римомъ не подлежитъ сомнѣнію.

Но вмѣстѣ съ приливомъ новыхъ силъ, возвысившихъ уровень самочувствія александрійскаго патріарха, еще болѣе увеличилась стремительность и сила его дѣятельности. Нѣсколько недѣль тому назадъ Кириллъ писалъ жившимъ въ Константинополѣ александрійскимъ своимъ клирикамъ въ успокоеніе выраженныхъ ими тревожныхъ опасеній за безопасность его личности: „Будьте спокойны и мужественны: я не дамъ, говоря словами Писанія, сна очамъ моимъ, и вѣждамъ моимъ дреманія, и покоя членамъ моимъ, доколѣ не совершу подвига за спасеніе вѣры“ ²⁾. Теперь онъ на самомъ дѣлѣ выполнялъ эти слова, дѣйствуя неусыпно и

¹⁾ См. письма Целестина къ Кириллу и Историю. Council III. p. 181 и 183.

²⁾ Conc. I III p. 172.

неутомимо. Первымъ дѣломъ его ¹⁾ по полученіи писемъ отъ папы Целестина было—немедленно заняться формулированіемъ тѣхъ главныхъ пунктовъ ученія о лицѣ Іисуса Христа, которые по опредѣленію римскаго собора надлежало послать къ Несторию, въ качествѣ ультиматума, съ требованіемъ отъ него письменнаго и клятвеннаго признанія ихъ. Окончивъ этотъ важный формальный трудъ, состоящій изъ 12-ти отдѣльныхъ сложныхъ предложений, въ обиходѣ носившихъ названіе *лавъ* или *чиновъ* вѣры, изъ коихъ каждое, выражая одной стороною своею неправильное или еретическое мнѣніе (извлеченное изъ сочиненій Несторія), а другою—исправляющее его ученіе православное, оканчивалось *анафемою*,—отъ чего все они въ обиходномъ употребленіи назывались *анафематями* (*ἀναθεμάτια*)—Кириллъ, чтобы прикрыть личную свою отвѣтственность въ его составленіи представилъ его на разсмотрѣніе собору египетскихъ епископовъ, который и одобрилъ его. Представлялъ ли онъ его на размогріе и самому папѣ Целестину или собору итальянскихъ епископовъ, неизвѣстно, но римскій епископъ во всякомъ случаѣ далъ александрійскому патріарху полное и неограниченное право говорить и дѣйствовать отъ его имени, чѣмъ Кириллъ и незамедлилъ воспользоваться.

Эго было грозное стѣнобитное орудіе атаки, которымъ должна была начаться рѣшительная битва противъ ереси. Но сокрушительные удары громовыхъ проклятій раздавшіеся изъ него, какъ увидимъ впослѣдствіи, произвели въ христіан-

¹⁾ Къ этому же времени относятся письма Кирилла къ важнѣйшимъ и влиятѣльнѣйшимъ епископамъ Востока, Іоанну антиохійскому, Ювеналію іерусалимскому и Акакію беррійскому, въ которыхъ александрійскій епископъ изобразилъ смутное состояніе константинопольской церкви, волнуемой новымъ ученіемъ Несторія и весь ходъ дѣлъ своихъ по этому поводу, приглашалъ ихъ принять съ своей стороны дѣятельное участіе въ общей борьбѣ церкви противъ воцѣлившейся ереси. *Concil. III. р. 197—203.* *Примѣч. переводчика.*

скомъ міръ потрясеніе, почти равнявшееся потрясенію произведенному самой ересью, на сокрушеніе которой оно было изготовлено. Оно осуждало на смерть и предавало анафемѣ ученіе Несторія, какъ еретическое; но вышло такъ, что почти цѣлая половина христіанскаго Востока осуждала и предавала сію самого проклятію, какъ изобрѣтеніе ума не право мыслящаго. Причина этого была та, что Кирилль, формируя ученіе вѣры о лицѣ Іисуса Христа, чтобы отклониться отъ направленія мысли, въ крайнемъ развитіи своемъ ведущаго къ ученію Павла Самосатскаго и Фотина, чрезъ преувеличеніе самостоятельнаго значенія во Іисусѣ Христѣ человѣческаго естества Его, казалось болѣе, чѣмъ сколько нужно, склонился въ сторону противоположнаго направленія, ведущаго къ аноминизму, чрезъ преувеличеніе значенія божественнаго естества, и такимъ образомъ, хотя онъ былъ самый искусный богословъ своего вѣка, не сумѣлъ, повидимому, твердо и неуклонно держась середины, пройти между этими двумя подводными камнями ¹⁾. Такъ вѣрно то, какъ

¹⁾ Въ допискѣ къ этому объясненію не излишне будетъ присовокупить, что Кирилль, какъ ученикъ богословъ, по образованію и строю ума своего принадлежалъ къ тѣмъ *александрійскому* направленію христіанскаго богословія, существенная черта котораго состояла въ томъ, что, въ противоположность направленію *антioxійскому*, въ фактахъ историческаго окроенія Бога чѣтвыи вообще оно обращало вниманіе преимущественно на сверхъестественный, божественный факторъ, и въ ученіи о лицѣ Іисуса Христа, въ частности, сосредоточивало умственное созерцаніе главнымъ образомъ на Ію божественномъ естествѣ, выставляла на первый планъ понятіе о Немъ, какъ вѣчномъ, божественномъ Словѣ, однородномъ и единосущномъ Богу Отцу Сыиъ Его. При одностороннемъ развитіи своемъ оно естественно предрасполагало, а переходя въ крайность и дѣйствительно приводило къ такимъ мистическимъ воззрѣніямъ на взаимное отношеніе и соединеніе двухъ естествъ въ Іисусѣ Христѣ, божескаго и человѣческаго, въ которыхъ человѣческое естество Его понималось далеко не во всей полнотѣ и истиннѣ атрибутовъ дѣйствительной Его человѣчности, представлялось то умаленнымъ въ существенныхъ своихъ свойствахъ и униженнымъ въ своей субстанціальности, то существенно измѣненнымъ и преображеннымъ въ какой то иной высшій видъ бытія и въ концѣ концовъ, утрачивали

Каковъ бы ни оказался въ послѣдствіи результатъ дѣйствія этого грознаго орудія брани, извѣстнаго подъ именемъ *анаематизма* Кирилла, но теперь оно было вполне одобрено мѣстнымъ соборомъ египетскихъ епископовъ и признано цѣлесообразнымъ. Поэтому Кириллъ, ни мало не сомнѣваясь въ его силѣ и годности, спѣшилъ привести его въ дѣйствіе. Онъ немедленно написалъ и представилъ собору посланіе, адресованное къ Несторию отъ своего имени и отъ имени всего собора, какъ третье и послѣднее духовное увѣщаніе. Писаніе это, начинаясь никейскимъ символомъ, заключало въ себѣ замѣчательно точное и строгое послѣдовательное изложеніе ученія вѣры о Воплощеніи, кратко выраженаго въ этомъ символѣ, — изложеніе существенно сходное со вторымъ письмомъ Кирилла къ Несторию, и оканчивалось приложенными къ нему анаематизмами. Оно самымъ настоятельнымъ и рѣшительнымъ образомъ приглашало Несторія, подъ угрозой изверженія изъ священнаго чина епископовъ, неукрѣнно и безъ всякаго коварства признать изложенное въ немъ ученіе вѣры о Воплощеніи, какъ въ ученіе Церкви, а свое собственное печестивое ученіе предать анаемѣ въ той самой формѣ, въ какой оно изложено въ прилагаемыхъ къ нему анаематизмахъ¹⁾. Устроивши такимъ образомъ дѣла, Кириллъ выбралъ изъ среды египетскаго епископата четырехъ лицъ, чтобы они отнесли въ Константинополь къ Несторию это синодальное посланіе, а вмѣстѣ съ нимъ и письмо папы Целестина, которое назначало Несторию десятидневный срокъ для исполненія предъявленныхъ ему требованій. Посланцы назывались Теофемъ, Данилъ, Иоганнъ и Комаръ. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ писемъ, они имѣли при себѣ еще другія письма отъ папы и его мѣгоблюстителя, адресованныя къ клиру и народу константинопольскому, равно какъ и настоятелямъ монастырей²⁾; сѣвши на суда въ александрийской гавани, они быстро поплыли къ имперскому городу.

¹⁾ Concil., III, p. 207—214.

²⁾ Ib. p. 215—217.

IV.

Несторій никогда не чувствовалъ себя болѣе спокойнымъ, какъ въ то время когда противъ него устранилось соединенное нападеніе Александріи и Рима. Главный противникъ его—Кириллъ совершенно уронилъ себя во мнѣніи Императора и подпаль его гнѣву, а онъ—Несторій въ полной милости у Императора и сѣлъ при его дворѣ: это представленіе наполняло его увѣренностію; онъ видѣлъ уже близкое торжество своего дѣла, и радовался ему безмѣрно. Но надменность его сторонниковъ превосходила даже его собственную надменность; они, казалось, поставили себѣ задачей оскорбить религіозное чувство константинопольскаго общества, привыкшаго къ наставленіямъ другаго рода. Нѣкто Дорооей епископъ Маркіополя, горячій несторіанецъ, простиеръ свою дерзость до того, что во время одного общегороднаго богослуженія, при коемъ присутствовалъ и самъ Несторій, взошелъ на кафедру и съ нея громгласно произнесъ: апаеема тоѣ, кто говоритъ, что Марія есть мать Божія. Богородица. Раздраженные такой ужасной выходкой, слушатели подняли сильный крикъ и съ шумомъ выбѣжали изъ храма; а Несторій, сошедши съ своего съдалица, допустилъ его къ участию въ совершеніи и приобщеніи божественныхъ таинъ ¹⁾.

Но иногда и самъ Несторій производилъ скандалы. Однажды, когда онъ, бесѣдуя къ народу, довелъ свою рѣчь до крайностей, одинъ изъ присутствующихъ въ церкви вскричалъ: „въ море архіепископа“! Особенно тяжкое давленіе производилъ онъ на константинопольскіе монастыри, гдѣ монахи, болѣе образованные, чѣмъ тѣ, которые жили въ пустыняхъ, любили разсуждать о вѣрѣ и желали имѣть отчетливое понятіе о томъ, чему ихъ учили. Нѣкоторые изъ

¹⁾ Concil., III, p. 170, 177.

этихъ мыслящихъ монаховъ явились даже къ нему въ церковь вмѣстѣ съ своимъ настоятелемъ, чтобы попросить у него объясненія темныхъ пунктовъ его ученія касательно Маріи Дѣвы, Матери Божіей. „Приходите ко мнѣ въ архіерейскій мой домъ, сказалъ онъ имъ; вы тамъ получите всѣ объясненія, какія только желаете“. Они отправились туда на другой день; но вмѣсто объясненій архієпископа, нашли тамъ исполнителей епископскаго правосудія, которые засадили ихъ въ тюрьму и тамъ, наложивъ на нихъ оковы и обнаживъ, растянули и бичевали толстыми ремнями; затѣмъ, продержавъ не малое время въ голодѣ и оковахъ, отправили въ свѣтскій судъ, какъ мятежниковъ, дерзнувшихъ оскорбить патріарха въ его церкви. Судья потребовалъ свидѣтелей; но ихъ не явилось ни одного. Тогда онъ отослалъ монаховъ обратно къ ихъ пастырю, — и этотъ, въ досадѣ, что видитъ ихъ предъ собою освобожденныхъ отъ суда и наказанія, имѣлъ настолько низости, что самъ своею рукою началъ хлестать ихъ по щекамъ, приговаривая: „вотъ вамъ объясненіе мое; оно очень просто: и я думаю, какъ и вы, что Марія можетъ быть названа Богородицей; но я думаю объ этомъ, какъ видите, нѣсколько иначе, чѣмъ вы“¹⁾.

Архимандритъ, сопровождавшій этихъ несчастныхъ, съ которымъ поступлено было не менѣе гнусно и жестоко, былъ человекъ не безъ значенія, хотя и простой діаконъ. Онъ все вытерпѣлъ безъ криковъ и угрозъ; но на другой день, вмѣстѣ съ другимъ монахомъ, отправился во дворецъ, получилъ аудієнцію у императора и въ поданномъ прошеніи изложилъ Феодосію всѣ тѣ жестокости, которымъ подверглись онъ и его монахи отъ Несторія. „Мы заявляемъ объ этомъ вашему величеству, присовокупилъ онъ, не потому, что желаемъ чрезъ это отомстить за обиды намъ сдѣланныя (Богъ тому свидѣтель!); мы желаемъ только, чтобы осно-

¹⁾ Basilii diaconi supplicatio. Concil., III, p. 221.

лане христианской нашей вѣры пребывало непоколебимо, чтобы во святой церкви Божией восстановлено было единство истины вѣры и превращены были раздвѣния и безпорядки. А для этого есть одно только средство: да повелитъ ваше величество быть здѣсь святому и вселенскому собору, который и порѣшитъ самодержавно между истиной и заблуждением¹⁾. Сего о вселенскомъ соборѣ показалось императору лучшимъ свѣта и стало въ его памяти.

Не все монахи однако были такъ смиренны какъ этотъ архимандритъ Василій, такъ звали его,—чтобы такъ пассивно склонять голову подъ жезъ очь своего пастыря, который становился zarazъ и судьей и палачемъ. При одномъ видѣ его гнѣвъ бросался на мозги этихъ бѣдныхъ людей, они не могли выносить его присутствія. Однажды, когда онъ хотѣлъ было взойти на хоры одной изъ ихъ церквей въ то время какъ правилась въ ней служба, одинъ изъ монаховъ остановить его въ проходѣ „сгунѣйге воиъ, сказати онъ ему трубо, ерепки не входятъ сюда!“ Архиепископъ, избивъ этого монаха, предаль его свѣтскимъ судьямъ, и, послѣ того какъ онъ по опредѣленію суда подвергнутъ былъ публичному бичеванію на всѣхъ перекресткахъ съ глашатаемъ впереди, сослалъ его въ заточение²⁾. Такие поступки архиепископа, конечно не превтекали сердце къ новому ученію имъ проповѣдуемому, но они значительно охлаждали рвение противившихся ему,—и патриархъ хвастался, что онъ довольно успѣшно обращаетъ народъ на путь истины.

Между тѣмъ какъ такія и тому подобныя вещи совершались въ Константинополѣ и печальныя вѣсти объ нихъ распространялись по всему Востоку, въ Англіи получены были изъ Александріи письма Целестина и Кирилла, увѣ-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Supplicatio diaconi Basilii Concil., III p. 220

домлявшаго епископовъ Востока о рѣшенномъ между патріархами Рима и Александріи походѣ прогивъ константинопольскаго патріарха. Содержаніе этихъ писемъ, какъ скоро оно стало извѣстно, сильно встревожило восточныя церкви, и особенно церковь антиохійскую, которая, считалъ Несторія своимъ сыномъ, питала въ немъ нѣжную материнскую привязанность. Чтò особенно беспокоило восточныхъ друзей Несторія, такъ это то, что онъ, какъ видно было изъ полученныхъ писемъ, всецѣло находился въ рукахъ Кирилла, непримонный и рѣшительный характеръ котораго они одобряли по достоинству. Сбравшись на то время случайно въ Антиохію пастыри восточныхъ церквей съ тревогою спрашивали другъ друга, ужь не входило ли въ разсчеты „Египтянина“ по поводу одного изъ сыновъ антиохійской церкви скомпрометировать и весь сирійскій патріархатъ. Іоаннь, управлявшій тогда этимъ патріархатомъ бывший товарищъ Несторія по школѣ, съелъ своимъ долгомъ предупредить стараго своего друга о готовящейся противъ него коалиціи и въ письмѣ своемъ къ нему, препровождая къ нему копіи полученныхъ изъ Александріи писемъ, дружески совѣтывалъ ему прочесть эти писма съ полнымъ вниманіемъ къ ихъ содержанію безъ всякаго предубѣжденія и раздраженія, и настоятельно убѣждалъ его ради мира церкви Божіей, ради чести сирійскаго патріархата, ради своего собственнаго спасенія, не упорствовать въ своемъ мнѣніи и уступить предъявляемымъ требованіямъ. „Къ чему отстаивать то, чего нельзя отстоять? Зачѣмъ усиливаться безъ нужды вводить въ языкъ церковный слова повые, смущающія совѣсть, и изгонять слова вошедшія въ употребленіе и выражающія мысль благочестивую? Пачеменованіе Дѣвы Маріи *Богородицею* отнюдь не новое; отъ него не отказывался ни одинъ изъ церковныхъ учителей; употреблявшихъ его было много и притомъ знаменитыхъ; а не употреблявшихъ его не осуждали употреблявшихъ. Если же святые отцы называли Дѣву Богородицею, какъ и мы

нынѣ называемъ ее этимъ именемъ, то я не знаю, для чего намъ еще приниматься за совершенно ненужную критику этого слова къ смущенію себя самихъ и мира церковнаго: для насъ нѣтъ никакой опасности говорить и мыслить согласно съ знаменитыми учителями церкви. Къ тому же, вѣдь и ты самъ, владыко, какъ мы знаемъ это черезъ многихъ обидѣхъ намъ друзей, не устраниаешь самаго смысла благочестиваго вѣрованія, выражающагося въ этомъ словѣ, а не одобряешь одно только словесное выраженіе его; если же и твой умъ мыслить также, какъ отцы и учителя церкви, то для чего же тяготиться открыто сказать благочестивую мысль словомъ соотвѣтствующимъ этой мысли, и притомъ въ такое время, когда началось такое волненіе отъ твоихъ толкованій вѣры? Убѣждая тебя къ перемѣнѣ одного слова на другое, мы склоняемъ тебя не къ юношеской измѣчивости въ мысляхъ, приносящей безчестіе, а вызываемъ сказать то самое, о чемъ и ты, какъ намъ извѣстно, мыслишь согласно со всѣми; ты только употребилъ для выраженія своей мысли слово и имя, составленное св. отцами и употребляемое ими устно и письменно. Кто же сманетъ осуждать тебя за то, что ты будешь говорить то, что думаешь? Напротивъ, не одобрить ли всякій, когда ты, ради мира во всецелеской церкви, примешь то имя, смыслъ котораго, какъ мы знаемъ, признаешь вѣрнымъ? —Непастанвай же, въ вопросѣ объ однихъ словахъ, на своемъ отдѣльномъ мнѣніи, возмущающемъ миръ церкви; не смущай безъ всякой нужды совѣсти братій своихъ, отвергая слово, смыслъ котораго признаешь правильнымъ.

„Пересылая тебѣ при семъ копіи съ полученныхъ мною писемъ, прошу тебя прочитать ихъ съ такимъ расположеніемъ души, чтобъ въ умѣ твоёмъ не возникло того самолюбиваго раздраженія, отъ котораго происходятъ споры и разногласія. Не сочти этого дѣла маловажнымъ. Всякій человекъ—дурной судья своихъ собственныхъ поступковъ; приглашенъ къ разсмотрѣнію этого дѣла кого-либо изъ своихъ

друзей и предоставь имъ право говорить тебѣ свободно и безбоязненно не то, что тебѣ пріятно, а то, что они найдутъ полезнымъ: обсудивъ его внимательно и спокойно, они найдутъ средство вывести тебя изъ этого непріятнаго дѣла, и что кажется теперь мрачнымъ, станетъ свѣтлымъ. Десятидневный срокъ, назначенный тебѣ папою для рѣшительнаго отвѣта, кажется очень малымъ; но въ сущности онъ даже длиненъ: достаточно и одного дня, даже нѣсколькихъ часовъ, для убѣжденія въ томъ, что въ учении о спасительномъ для насъ воплощеніи Господа нашего Иисуса Христа всего лучше употреблять слово, уже вошедшее въ употребленіе въ церкви и соответствующее истинѣ рожденія его отъ Дѣвы. Прими же, прошу боголюбивую душу твою, такъ заканчивалъ Іоаннъ свое письмо, совѣтъ мой, предлагаемый съ чувствомъ благоговѣнія къ Богу и любви къ тебѣ для утвержденія мира въ церкви; сдѣлай то, къ чему мы убѣждаемъ тебя; не подавай повода упорствомъ въ своемъ мнѣніи внести въ церковь несогласіе и раздѣленіе. Подумай и разсуди: если и прежде (до полученія этихъ писемъ) было много недоброжелательныхъ къ намъ, то сколько явится такихъ теперь, что будутъ смѣло и открыто говорить противъ насъ?— Предлагаю тебѣ этотъ совѣтъ, присовокупляя Іоаннъ, не одинъ, но и всѣ епископы, благорасположенные къ тебѣ, которые были у меня въ то время, какъ доставлены были тебѣ непріятныя письма. Всѣ они, согрѣтые, какъ и я, любовью къ тебѣ, просятъ тебя, владыко, чтобъ ты, выкинувъ въ содержаніе этихъ писемъ, сила которыхъ грозилъ бури, изъявилъ покорность выраженнымъ въ нихъ требованіямъ; грозная сила ихъ не возмутитъ и не потревожитъ, если будемъ уступчивы, но низринетъ, если станемъ противиться ей¹⁾).

¹⁾ Толст., III, р. 203—206.

Несторій былъ тронуть этимъ чисто отеческимъ письмомъ, но не послѣдовалъ однакожъ исполнѣ его совѣту. Въ отвѣтъ Іоанну, полномъ почтенія, онъ по прежнему отказывался принять наименованіе Дѣвы Маріи *Матерь Божія*, какъ аполинаристическое; но въ тоже время отвергалъ и противоположное ему наименованіе *матери человека*, какъ уже слишкомъ склоняющееся къ ученію Павла Самосатскаго. и предложилъ свой средній терминъ *христородица*, матери Христа, насчетъ котораго онъ уже вывѣдывалъ мнѣніе папы. „Этого выраженія, писалъ онъ, никто не можетъ осуждать, такъ какъ никто не отрицаетъ и не можетъ отрицать, что Марія—мать Христа. А такъ какъ Христось, какъ и исповѣдую Его, совмѣщаетъ въ себѣ два естества, божеское и человѣческое, то и слово—*матерь Христа* или *христородица* означаетъ вмѣстѣ и матеръ Бога и матеръ человека, не представляясь уже, чрезъ исключеніе того или другаго наименованія, благопріятствующимъ ереси Павла Самосатскаго или Аполинарія“¹⁾. Іоаннъ отвергъ эту уловку, какъ это сдѣлалъ и Целестинъ. „Слово *Христородица*, отвѣчалъ онъ, вовсе не находится у св. Отцовъ, а еще менѣе въ Писаніи. и видимо измышлено для того только, чтобъ уклониться отъ принятія термина традиціоннаго и исполнѣ безопаснаго“²⁾. Не смотря на свое упорство, Несторій сдѣлалъ однакожъ шагъ къ уступкѣ, и Іоаннъ надѣялся со временемъ исполнѣ взлечить его, какъ прибытіе посланниковъ Кирилла испортило все дѣло.

Они прибыли въ Константинополь въ субботу 6 декабря 430 года, и на другой же день отправились въ храмъ св. Софіи, гдѣ Несторій совершалъ богослуженіе съ своимъ клиромъ, въ присутствіи почти всѣхъ сановниковъ имперіи и многочисленнаго собранія народа. Четыре посланника вошли въ церковь и проникнувъ до ниши, гдѣ сидѣлъ патрі-

¹⁾ Lur., Ep. 3.

архъ, вручили ему двойное посланіе отъ патріарховъ Рима и Александріи, равно какъ и другія бумаги, которыя имъ было поручено передать ему ¹⁾. Это важное порученіе они хотѣли исполнить торжественно, въ церкви, предъ всемъ собравшимся народомъ. Несторій зналъ напередъ содержаніе документовъ, и особенно содержаніе обоихъ патріаршихъ посланій. Онъ принялъ изъ рукъ епископовъ свертокъ и назначилъ имъ свиданіе на слѣдующій день въ своемъ епископскомъ домѣ; въ самомъ дѣлѣ здѣсь, въ церкви, было не мѣсто и не время входить въ неизбѣжныя объясненія. Въ поведѣльникъ депутаты явились въ архіерейскій домъ, но патріархъ отказался ихъ видѣть и не давши отвѣта велѣлъ запереть ворота ²⁾.

Та же сцена повторилась и на слѣдующій день. Депутаты не дѣлали никакой насильственной демонстраціи, по тому ли что дожидались окончанія десятидневнаго срока, чтобы приступить къ изложенію, или потому, что императоръ, рѣшившись созвать вселенскій соборъ, велѣлъ имъ сказать, что онъ приметъ за личную для себя непріятность всякую съ ихъ стороны публичную манифестацію и не потерпитъ ее. Епископы употребили остающееся у нихъ свободное время на посѣщеніе главныхъ противниковъ Несторія изъ митрополитанскаго клира и архимандритовъ монастырей, заявляя повсюду, что они предъявили архіепископу угрозу изложенія. „И мы непремѣнно произнесемъ его, въ силу власти, которой мы служимъ представителями, если Несторій не отречется отъ своего ученія до указаннаго ему срока“. Всѣ были въ напряженномъ ожиданіи.

¹⁾ Die dominica cum synaxis ageretur, ad episcopale palacium ascendimus, ibidemque toto praesente clero cunctisque fere illustribus adstantibus, litteras Nestorio tradidimus. Concil., III, p. 504.

²⁾ Tunc nobis respondit, ut postero die veniremus, et privatim illum conveniremus. Porro nobis redeuntibus aditum interclusit, et responsum nobis dare non est dignatus. Concil., III, p. 504.

Въ слѣдующую субботу, 13 декабря, на восьмой день прибытія депутатовъ въ Константинополь, Несторій взошелъ на кафедру и передъ многочисленнымъ собраніемъ народа началъ говорить о любви, долженствующей быть, между чадами одной и той же вѣры, онъ говорилъ о самомъ себѣ, что для сохраненія мира и согласія въ церкви онъ готовъ принять и выдержатъ все, что съ честью можно выдержать. „Зачѣмъ же, воскликнулъ онъ вельдѣзатѣмъ, я, который люблю только миръ, достигнуть неумолимымъ врагомъ въ самомъ святилищѣ моего соборнаго храма?“. Онъ не назвалъ этого врага по имени, но достаточно обозначилъ его именемъ „Египтянина“. „Да, продолжалъ онъ съ увлеченіемъ, Египтянинъ бросаетъ мнѣ вызовъ даже среди монаховъ пресвитеровъ, передъ лицомъ самаго моего стада. Онъ всегда распространяетъ клеветы, сеетъ раздоръ и нападаетъ на меня съ золотыми стрѣлами“. Этимъ Несторій обвинялъ его въ раздачѣ денегъ для подкупа его клира. — „Согласіе и благосостояніе нашей церкви уязвляетъ его; цвѣтущій видъ ея вызываетъ у него ярые крики злобы; онъ ненавидитъ ему, потому что ему нужны смуглы и раздѣленія для утверждения и распространения своего господства. Египтянинъ, не вѣчный-ли онъ врагъ Константинополю и Антиохіи?“. И ораторъ напоминалъ своимъ слушателямъ о враждѣ alexandрійскихъ епископовъ противъ антиохійскихъ, противъ Мелетія и Флавиана, противъ самаго Іоанна Злагоуса, вызваннаго также изъ антиохійской церкви и бывшего однимъ изъ его предшественниковъ въ имперскомъ городѣ. И настоящий споръ возбужденный Египтяниномъ былъ, значить, плодомъ его черной зависти.

„Меня преслѣдуютъ, продолжалъ онъ, изъ за одного только слова *θεοτόκος* — *Богородица*. Ну что жъ, я готовъ, пожалуй, подарить и это слово изъ любви къ миру; я признаю и его, но подъ условіемъ, чтобы изъ меня не думали сдѣлать ни аріанина, ни аполинариста, — арианина, заставляя меня унижить божественное Слово до простой твари, и

аполинариста. принуждая меня отрицать человеческое естество въ сынѣ Дѣвы Маріи. Есть однакожь одно слово, которое могло бы заразъ прекратить всякія недоразумѣнія, — и я предлагаю принять его: это слово —матерь Христа. *Христородица*: оно послужило бы врачевствомъ противъ всѣхъ нашихъ несогласій⁴

„О, вскричалъ онъ, окончивъ свою рѣчь. пусть Египтянинъ придетъ сюда самъ, я не боюсь его; пусть онъ вступить въ состязаніе со мною въ присутствіи императора и императрицы. и я съумѣю обратитъ въ ничто его дерзость. Это болѣзнь египтянъ — всюду вносить смуту; но пусть они знаютъ, что ихъ вовсе не боятся и что насиліе ихъ не можетъ распространиться безнаказанно въ этомъ знаменитомъ городѣ, покровительствуемомъ ихъ императорскими величествами“⁵).

Эта рѣчь Несторія была хорошо принята. Онъ затронулъ въ сердцахъ своихъ слушателей чувствительную струну, указывая на то, что александрійскіе епископы были всегда ожесточенными врагами епископовъ Константинополя и Антиохіи, преслѣдуя противъ нихъ одну и ту же цѣль. — всемірное господство. Но высказанное имъ признаніе имени Матери Божіей все таки пашли не довольно точнымъ и категоричнымъ; его просили прибавить еще что нибудь во имя мира, котораго въ виду надмѣнныхъ притязаній египетскаго патріарха всѣ желали. Спихождая къ этому желанію, Несторій произнесъ на другой день, въ воскресенье, нѣсколько дополнительныхъ фразъ къ своей рѣчи, сказанной наканунѣ.

„Да, братія мои, сказалъ онъ, возвышая голосъ со ступеней своего сѣдалища и я признаю и исповѣдую, что св. Дѣва Маріи вѣстину есть матерь Бога и матерь человека. Она матерь Бога. потому что храмъ Божій, который есть сынъ ея Іисусъ, былъ соединенъ съ Божествомъ. Зна-

1) Mercator., II. p. 84 et sq. Lap., Gr. 2

Труды Кіев. Акад. 1879 г. т. II

чить, и по моему мнѣнію можно законно усвоить ей имя *Богородицы*“¹⁾). Въ сущности можно было бы многое сказать на его объясненіе, и его уступка въ дѣйствительности далеко не была такъ полна, какъ это представлялось на первый взглядъ. Однако слушатели удовлетворились ею и въ соборѣ раздались единодушныя рукоплесканія. Одни думали, что патріархъ дѣйствительно возвратился къ традиціонной вѣрѣ своей церкви, и были ему за это признательны. Другіе были довольны имъ за то, что онъ такимъ образомъ потушилъ войну въ самомъ ея зародышѣ, такъ какъ Кириллъ написалъ ему въ первомъ своемъ письмѣ слѣдующія знаменательныя слова: „Исповѣдуй, что Марія есть Матерь Божія и всякое несогласіе между нами прекратится; я открою тебѣ братскія объятія!“²⁾

Такимъ образомъ, казалось, все было покончено. Два публичныя объясненія Несторія, и въ особенности второе, приняты были вѣрными константинопольской церкви какъ достаточное доказательство отреченія его отъ своихъ мнѣній, и египетскіе посланники не подавали признаковъ жизни, какъ патріархъ возымѣлъ несчастную мысль снова выступить на сцену. Онъ сдѣлалъ это самымъ невыгоднымъ для себя образомъ, потому что если блестящая, живая рѣчь его дѣйствовала импонирующимъ образомъ на умъ слушателей и прикрывала слабость его аргументаціи, то эта слабость разоблачалась и обнаруживалась во всей наготѣ своей въ его сочиненіяхъ. Онъ захотѣлъ опровергнуть тѣ двѣнадцать членовъ вѣры, которые Кириллъ предъявилъ ему какъ критерій католической вѣры о тайнѣ Воплощенія, и обращая тезисъ противъ своего противника, задался мыслию доказать, что этотъ мнимый критерій католической вѣры былъ не болѣе, какъ скопленіе ересей. Съ тою пол-

1) Mercator. II, p. 84

2) Cyprian. Ep. 2 — Mercator. II, p. 82 — Liber IV, p. 13 et 14.

ною самоувѣренностію, которая такъ хорошо его характеризовала, онъ составилъ двѣнадцать контрапоемать противоположныхъ анатемамъ Кирилла, опровергая. предложеніе за предложеніемъ. тѣ, которые были направлены противъ него ¹⁾; потомъ онъ раздалъ это сочиненіе своимъ друзьямъ и врагамъ. Но если взять во вниманіе, что даже Кирилль, этотъ первѣйшій богословъ своего времени, не могъ составить своихъ двѣнадцати членовъ вѣры о тайнѣ Воплощенія, не навлекши на себя со стороны другихъ богослововъ, такихъ же православныхъ, какъ и онъ самъ, упрека въ ереси, то чего не могло стать съ Несторіемъ, который былъ меньше всего силенъ въ богословіи! И дѣйствительно, его контрапоематизмы вышли заблужденіями до такой степени, что даже и друзья его принуждены были покинуть его.

Потухшій на минуту пожаръ вспыхнулъ снова, и со всѣхъ сторонъ послышались громкія требованія о созваніи вселенскаго собора. Это было единственное врачевство въ томъ положеніи, котораго сами заинтересованныя лица желали съ удовольствіемъ. Самъ Несторій требовалъ его одинъ изъ первыхъ, онъ думалъ, что тамъ навѣрное онъ восторжествуетъ, не дѣлая тѣхъ уступокъ, къ которымъ его принуждали здѣсь во имя мира. Онъ уже съ самоуслажденіемъ представлялъ себѣ ораторскія битвы, гдѣ краснорѣчіе его выкажется во всемъ своемъ блескѣ; къ тому же онъ надѣялся встрѣтить тамъ своихъ старыхъ друзей — сирійцевъ, которые такъ восторженно рукоплескали ему во храмахъ Антіохіи и сохранили къ нему свои симпатіи. А это было, на его взглядъ, не меньше, какъ полное пораженіе Кирилла, уничтоженіе его впаива, а можетъ быть и эсхатомуніація.

Одно только беспокоило его, какъ-бы Кирилль не ускользнулъ отъ борьбы. — и извѣщая папу Целестина, что императоръ согласится наконецъ на созваніе собора, онъ

¹⁾ Insani Nestorni anathematism., Synalli anathematismis oppositi Conc. III. p. 218. Mercator II p. 116

прибавлялъ съ наивною простотою: „въ особенности нужно, чтобы александрійскій епископъ непременно явился туда искать обвиненія, которое его ожидаетъ“ ¹⁾. Такимъ же языкомъ онъ говорилъ и своимъ друзьямъ „На соборъ, который мы надѣемся имѣть, писалъ онъ къ патріарху Іоанну, мы устроимъ все дѣло безъ скандала и согласно. Вы должны меньше чѣмъ кто либо удивляться выскочкѣ Египтянина, видѣвъ столько примѣровъ его; скоро, если будетъ угодно Богу, все будуще хвалить нашъ образъ дѣйствій и онъ увѣщается увѣлочь⁴. Но папа не такъ смотрѣлъ на будущее, и такъ какъ онъ имѣлъ въ виду одно только спокойствіе церкви то и желалъ, чтобы левая вѣра восторжествовала боіе мирными средствами. Что касается Кирилла, то онъ казался быль не совсѣмъ доволенъ такимъ исходомъ, который разстраивалъ его ученныя маневры и вынуждалъ пачать кампанію снова ²⁾.

1) *Inter Epist. Coelestini* 15. Несторій, какъ видно изъ этого письма его къ Чексеніу, воображалъ, что Кирилле подтвердится судъ собора не только по поводу защищаемого имъ слова *θεοτόκος*, но и по другимъ, возводимымъ на него, обвиненіямъ, и конечно, быть осужденъ. *Примѣч. переводчики*

2) Это замѣчаніе автора, кажется, не касается вѣры. Евагріій говоритъ (*Evaogr. II. E. lib. 1. c. 30*), что Кирилле не только не было извѣстно созваніе вселенскаго собора, но и самъ греческій императоръ Ѳодосъ объ этомъ. Это свѣдѣтельство и авторъ беретъ себѣ въ кторое подтвержденіе и въ письмѣ Кирилла къ Ювеналію, патріарху гerasалимскому. Зная, что Ювеналій пользовался особеннымъ уваженіемъ императора и тогда, на него вліяніе, Кирилле къ кому прочи писалъ ему. „Намъ совершенно подобно писалъ къ благочестивѣйшему Императору и ко всему государству ннѣмъ сановитамъ, а совѣтовать имъ, чтобы они не ставили препятствійъ благочестивымъ вѣрамъ го Христа, но (чрезъ созваніе вселенскаго собора) усердіи бы въ неслесливую и прибавили бы слово отъ моего пастыря, если онъ не придетъ отъ всѣхъ пастырей умчелій (*Epist. Cyrilli 15. Concil. III. Виз. t. 2-й р. 202*). И въ послѣдующаго за созваніемъ собора хотя чѣмъ ни изъ него не видно, чтобы Кирилле онъ не догелень этого созванія собора, а тѣмъ менѣе, чтобы онъ боялся явиться на соборъ, опасался, какъ бы не оуличиться тамъ на скамѣ подсудимыхъ: боязливыя помышленія были по мѣсто смѣлости и мужественномъ характерѣ.

Примѣч. переводчи.

Наконецъ явилась и императорская грамота или такъ называемая на языкъ римской канцеляріи *saaga*, созывавшая соборъ епископовъ христіанскаго міра на день Пятидесятницы слѣдующаго года, въ городъ Эфесъ. Она была написана, по обычаю, отъ имени обоихъ императоровъ ¹⁾ такъ какъ императорская верховная власть признавалась нераздѣльною, какъ и самый народъ, котораго она считалась полномочною представительницею. оба императора были только двумя частями одной и той же единицы, и всѣ важныя государственныя акты, какъ и законы были у нихъ общіе. Такова была теорія власти по государственному устройству имперіи. Но въ данномъ случаѣ была и другая причина, по которой созваніе собора исходило отъ обоихъ главъ римскаго міра, это то, что оно простиралось на всю имперію, западную и восточную. Копіи съ этой грамоты разсланы были въ проповѣданыя всѣхъ главъ въ провинціи. Она, существенно, гласила:

„Что интересы религіи и общества, церкви и государства, находятся въ самой тѣснѣйшей и неразрывной связи между собою, и порядокъ въ одной области не можетъ быть нарушенъ безъ нарушения его и въ другой, такъ какъ разлогласія въ церкви легко переходятъ въ раздоры и мятежи въ государствахъ ²⁾;

„Что, поэтому, государи, поставленные Богомъ во главу общества и назначенные быть средоточіями благочестія и благополучія подданныхъ, обязаны заботиться какъ о томъ, такъ и о другомъ, преимущественно же о томъ, чтобы въ церкви Божіей было единомысліе вѣры и совершенное

— —

¹⁾ Imperatores Caesares, Theodosius et Valentinianus, Victores, Triumphatores, Maximi, semper Augusti ... Conc. III, p. 225.

²⁾ Pendet a religione, qua Deus colitur, nostrae reipublicae status, multaque inter hunc et illam cognatio ac familiaritas intercedit. Nam et connexa inter se sunt, et utrumque prosperis alterius successibus incrementa sunt. Concil. III, p. 225.

щие въ ней великое служение священства были свободны по жизни отъ всякаго упрека:

„Что, помышляя объ этомъ, въ виду смятеній, происходившихъ нынѣ въ церкви отъ споровъ и волнующихъ страну, императоры признали необходимымъ созвать епископовъ всей имперіи на соборъ, не смотря на все свое нежеланіе утруждать ихъ.

„Вслѣдствіе этого, митрополиты, какъ только пройдетъ будущій праздникъ Пасхи, имѣютъ прибыть въ Эфесъ ко дню св. Пятидесятницы, они должны были взять съ собой изъ своихъ округовъ столько епископовъ, сколько сочтутъ нужнымъ, и притомъ такъ, чтобы ихъ оставалось достаточное количество и въ самомъ округѣ для правильнаго веденія церковныхъ дѣлъ, и не было недостатка въ способныхъ и на соборѣ. „Мы увѣрены, прибавляли императоры оканчивая грамоту, что каждый изъ епископовъ постарается исполнить это пожеланіе, а тѣ, которые не успѣшатъ исполнить его, не будутъ имѣть оправданія ни передъ Богомъ, ни передъ нами. Ибо кого призываютъ на соборъ, а онъ не спѣшитъ съ готовностію прибыть, у того явно совѣсть нечиста“¹⁾. Несторій не былъ поименованъ въ грамотѣ, Кириллъ имя болѣе; но упоминаніе о смятеніи, происшедшемъ въ церкви отъ споровъ, очевидно относилось къ имъ обоимъ, а слова: „совершающіе великое служение священства должны быть свободны отъ всякаго упрека“ видимо намекали только на Кирилла, на его поведение въ Александріи и процессъ возбужденный противъ него Софроніемъ съ со товарищами въ Константинополь.

Административныя инструкціи, данныя комиту Кандидіану, который долженъ былъ представлять Θεодосіа на соборѣ, дополняли священную грамоту. Этими инструкціями

Nullum aequo animo abesse sinemus, nec ullam ille vel apud Deum, vel apud nos habiturus est excusationem, qui statim impigrit secundum significatum tempus ad destinatum locum non fuerit. Conc., III p. 226

предписывалось ему не допускать составления частных собраний, такъ какъ результатомъ этихъ собраний бывають одни раздѣленія и схизмы,—не открывать засѣданія собора до тѣхъ поръ, пока не соберется достаточное число епископовъ, чтобы каждая провинція имѣла своихъ необходимыхъ представителей, — и какъ только открыто засѣданіе, не позволять ни одному члену отлучаться изъ города или возвращаться домой, подъ страхомъ быть силою приведеннымъ обратно въ собраніе: забота объ этомъ возлагалась на городскіе магистраты. Гражданскіе чиновники должны были наблюдать за исполненіемъ этихъ правилъ и присутствовать при прешіяхъ, исключая тѣ случаи, когда дѣло будетъ идти о вопросахъ догматическихъ, такъ какъ гражданскія власти должны были присутствовать при засѣданіяхъ собора только для поддержанія въ нихъ дисциплины и порядка. И останавливаясь на этихъ распоряженіяхъ, чтобы показать, каковъ былъ регламентъ вселенскаго собора, я останавливаюсь на этомъ и потому также, что этотъ регламентъ, какъ увидимъ впоследствии, большей частью былъ нарушаемъ.

Императоры объясняли наконецъ, почему они выбрали городъ Эфесъ мѣстомъ будущаго собора „Эфесъ, говорили они, расположенъ въ странѣ цвѣтущей и плодородной, легко доступной и съ моря и съ суши, и въ немъ можно найти въ изобиліи все, что требуется для удобствъ жизни, какъ изъ туземныхъ, такъ и привозныхъ продуктовъ¹⁾. Поэтому собравшіеся тамъ епископы могутъ безпрепятственно заняться исполненіемъ обязанностей своей миссии и довести ее до добраго конца“. Это были причины, конечно, хорошия, но были еще и лучшія, которыя должны бы были по-

¹⁾ Deputavimus enim Ephesiorum civitatem, teria marique accessu percommodam, ibique diversantibus necessaria suppositantem affatim e nativis importatisque fructibus. Concil. III p 722

будить императоровъ и ихъ совѣтника Несторія выбрать для собора скорѣ всякій другой городъ, чѣмъ Эфесъ, еслибъ они хоть минуту подумали о существѣ тѣхъ пресій, которыми долженъ былъ заняться соборъ.

Призывныя грамоты на соборъ были разосланы разнымъ митрополитамъ по обѣ стороны моря: но западные епископы, задержанные бѣдствіями войны съ варварами, вовсе не явились на зовъ. Папа извинился необходимостью личнаго присутствія среди опасностей своего народа, а также и тѣмъ, что ни одинъ римскій епископъ еще не присутствовалъ лично на вселенскомъ соборѣ; но онъ все таки извѣстилъ, что пришлетъ туда своихъ легатовъ¹⁾. И Африка, бывшая въ то время добычею Вандаловъ, отказалась прислать на соборъ своихъ епископовъ, подобно Италии и Галліи; одинъ только карфагенскій епископъ изслалъ представителемъ своимъ одного изъ діаконовъ. Феодосій желалъ, чтобы на соборъ приглашенъ былъ и Августинъ иппонійскій, хотя онъ и не былъ митрополитомъ, изъ уваженія къ его высокому уму и авторитету; но пригласительное письмо, посланное къ нему, пришло, когда Августинъ уже не было въ живыхъ²⁾. Результатомъ отказа столь многихъ западныхъ епископовъ прибыть на соборъ было то, что ефесскій соборъ, предназначавшійся быть вселенскимъ, въ действительности сталъ почти исключительно соборомъ восточнымъ.

Особенный случай сохранилъ намъ копію императорской грамоты, адресованную Кириллу, къ которой приложено было частное письмо къ нему Императора, полное упрековъ и угрозъ, доказывающее, что гибель сына Аркадія была упоренъ,—чему, конечно много содѣйствовалъ и Не-

¹⁾ Concil. III. p. 618.

²⁾ Смотри въ моихъ *Рисказахъ изъ римской исторіи* томъ озаглавленный: *Placidie et Pulchérie*.

сторій постоянными инспириациями противъ Кирилла. Θεοδосій въ этомъ письмѣ своемъ не преминулъ припомнить и о той крайней неблагопристойности, какую позволялъ себѣ едѣлагъ александрійскій патріархъ, приславъ два отдѣльные мемуара, одинъ — ему Императору съ супругою, а другой сестрѣ его Пулхеріи: это дѣло постоянно лежало у него на сердцѣ, потому что глубоко участво богословское самолюбие его и претензію быть самостоятельнымъ и независимымъ правителемъ всѣхъ дѣлъ имперіи. Нѣтъ ничего болѣе горькаго, презрѣннаго и унижающаго для него, чѣмъ отъ государя ко второму патріарху своей имперіи. Онъ распускалъ ему самыя рѣзкіе и жестокіе упреки въ безконечномъ стремленіи всюду производить смуты и раздоры, чтобы надъ всѣмъ господствовать и въ дѣломъ злоупотребленіи власти и силы, чтобы ты горестно о своихъ чинахъ. „Удивительны тѣ качества, съ которыми въ своемъ дѣтствѣ въ служении слову истины! Всякому ильбѣго, что истинное ученіе благочестія возмущаетъ твердость не отъ приказанія, а отъ разумна, оно и сначала определено было для насъ не угрозами какого либо владыки или думающаго владычествовать, а совѣщаніями и разсужденіями св. отцовъ и свѣщ. соборовъ. Посему ты нынѣ же долженъ объявить намъ, почему ты мниваешь насъ, которые, какъ тебѣ извѣстно, очень заботимся о благочестіи, и священныя лица всѣхъ мѣстъ, собрание которыхъ одно могло бы удобно разрѣшить недоумѣнія, возникшія въ церкви, приставлять себѣ одному право все рѣшать самовластно, — право, принадлежащее только собору епископовъ и всему обществу? Какъ будто ученіе благочестія болѣе приличны рьяные порывы, чѣмъ спокойное и точное изслѣдованіе, и какъ будто въ дѣлѣ утверждения его имѣетъ болѣшую силу дерзость, чѣмъ умѣренность. Но, присовокупляетъ Императоръ, будь увѣренъ, что миръ церковный для насъ дорогъ, и знай, что это тебѣ мы

приписываемъ церковныя смуты, которыя такъ глубоко насъ огорчаютъ“¹⁾).

Затѣмъ онъ продолжаетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ „А впрочемъ удивляться ли намъ тому, что ты, преступная мѣру власти, нападаешь на церкви и священниковъ, приписывая себѣ одному то, что принадлежитъ цѣлой корпорации епископовъ? не простишь ли ты безпокойный твой нравъ и дерзкое твоё любопытство даже до жилища твоихъ государей, чтобы посеять въ немъ раздоръ между братомъ и сестрою? Если ты не знаешь, что между ними существовало нѣкоторое разногласіе, способное быть раздутымъ, если ты не считаешь въ себѣ надежды произвести это, то зачѣмъ ты, я спрашиваю тебя, иное писалъ намъ и супругѣ нашей благочестивѣйшей Августѣ Евдокіи и иное сестрѣ нашей Августѣ Пульхеріи?“²⁾ Если бы и существовало между нами нѣкоторое разномысліе, то пошарливо выведывать о томъ человеку, живущему такъ далеко отъ насъ, не предосудительно ли это въ высшей степени? А если ничего подобнаго между нами не было, то пытаться производить раздоры кому это менѣе всего свойственно, какъ не лицу священному?“³⁾ Истинно это могло произойти отъ одного только безпокойнаго твоего духа и преступнаго стремленія производить смуты, какъ въ дѣлахъ церковныхъ, такъ и въ дѣлахъ царскихъ, всюду вносить раздоръ.—это самое дорогое твоё честолюбіе, въ этомъ ты полагаешь всю свою славу“.

1) „Verum curiae nobis erit ecclesiae tranquillitas. Scito interim magnam ab te rerum perturbationem exitatum esse“ Concil III, p 224

2) Nam nisi aliquod inter nos dissidium esse putasses aut certe aliud ejusmodi ex litteris tuis exitum sperasses, cur obsecro, alia privatim ad nos, et Evodociam, conjugem meam, alia vero ad Pulcheram sororem meam Augustam, eandemque pietatis studiossimam perscripsisses Concil III, p 224.

3) Si id autem inter nos non existit, conari, ut existat, cujusvis potius, quam sacerdotis fuerit Concil III 224

„Такъ знай же, каковъ нашъ образъ мыслей о тебѣ; но знай и го, что всѣ твои маневры рушатся: церковь и государство содѣйствіемъ промысла Спасителя нашего Бога и нашимъ заботливымъ стараніемъ о мирѣ, какъ были, такъ и пребудутъ соединены союзомъ мира. Дѣйствуя въ душѣ мира, мы даруемъ прощеніе и тебѣ, чтобы ты не имѣлъ предлога сказать, что подвергся порицанію отъ насъ. вполнѣ заслуженному тобою, за дѣло вѣры и благочестія, защищаемое тобою. Это дѣло вѣры мы предоставимъ разсмотрѣнію священнаго собора и что онъ рѣшить, то повелимъ исполнить въ точности. Но мы не потерпимъ, чтобы кто нибудь изъ участвующихъ въ правленіи считалъ себя въ правѣ своевољствовать и по самоувѣнію вознамѣрился освободиться отъ суда собора. Этому не будетъ позволено тому, кто бы и захотѣлъ. Наше величество одобритъ тѣхъ, которые съ готовностію посвѣщать къ такому изслѣдованію, но не потерпимъ того, кто захотѣлъ бы болѣе повелѣвать, чѣмъ излагать свои мнѣнія или совѣщанія съ другими о вопросахъ вѣры. Посему ты поступишь благоразумно съ своей стороны, если, оставивъ все оскорбительное для другихъ и возмущительное, добровольно явишься на соборъ для изслѣдованія вопросныхъ предметовъ и прибудешь туда къ сроку указанному въ нашей граматѣ... Это единственное для тебя средство возвратить наше благоволеніе и доказать намъ, что тѣ жестокія и необдуманная дѣйствія, которыми ты хотѣлъ поддержать твои мнѣнія, не были плодомъ личной непріязни къ кому-нибудь. Покажи же намъ, что ты наконецъ желаешь поступать законно, но знай однако, что еслибы ты и пожелалъ сдѣлать иначе, то мы не потерпимъ этого“¹⁾.

Изъ этихъ послѣднихъ словъ, по сближеніи ихъ съ письмомъ Несторія къ папѣ, видно, что и Θεодосій смотрѣлъ на Кѣрилла какъ на виновнаго, подлежащаго суду. Патріархъ

¹⁾ Exemplum sacrae, quam Theodosius ad episcopum Cyrillum misit Concil. III. p. 223—224.

александрійскій долженъ былъ дать отвѣтъ на соборѣ не только за свои мнѣнія, но и за образъ дѣйствія въ поддержаніи этихъ мнѣній. за ту манію все дѣлать самовольно, обо всемъ судить безапелляціонно, наконецъ самовластно направлять противъ сослуживцевъ своихъ — епископовъ угрозу изложенія и отлученія отъ церкви, право которыхъ принадлежить только собору.

Но не одинъ императоръ имѣлъ такое жестокое сужденіе о Кириллѣ; даже и друзья архіепископа. наиболѣе преданные ему, страшались той роли, которую онъ будетъ играть въ ходѣ дѣлъ собора. Одинъ святой человѣкъ, который любилъ его и славился прямою сроду и величіемъ духа, Исидоръ Пелусіотъ, писалъ ему: „Предубѣжденіе видить ясно только на поповѣ, а ненависть совѣтъ съѣда. избѣгай ихъ; прежде чѣмъ обвинить кого-нибудь, размотри все дѣло очами справедливости. Тебя упрікають въ желаніи мести скорѣе за личныя непріятности, чѣмъ за бѣдствія церкви. Я слышу, какъ повторяють съ разныхъ сторонъ: Кириллъ племянникъ Θεодосіа, онъ подражаетъ образу дѣйствія своего дяди, ожесточеннаго гонителя Іоанна Златоустаго, и шепчетъ, подобно ему, славы въ спорахъ“ .. „Заклинаю тебя, какъ твой отецъ по дѣламъ и какъ твой сынъ по сану, прекратить раздоры и ссоры, и не переносить на безсмертное тѣло церкви личныхъ оскорбленій, которыя могутъ нанести тебѣ смертные люди“ ¹⁾. Предвидя церковныя бури, которыхъ такъ страшился, этотъ человѣкъ мира писалъ также и императору, умоляя его прибыть лично на соборъ, гдѣ его присутствіе воспрепятствовало бы собранію епископовъ, вслѣдствіе взрыва пылкихъ страстей, стать предметомъ посмѣянія для язычников“. Θεодосій не могъ этого сдѣлать,—и предчувствіе Исидора исполнилось.

Предъ отъѣздомъ своимъ въ Ефесъ, Кириллъ, какъ мѣстооблюстителю папы, хотѣлъ посовѣтоваться съ нимъ на счетъ того, какъ слѣдуетъ поступать въ отношеніи къ Несторію, если ересіархъ. сознавъ свое за-

¹⁾ Isidor Pelus. Epist. 5.

блужденіе попросить у собора прощенья. Самъ онъ былъ
того мнѣнія, что въ этомъ случаѣ не слѣдовало бы припи-
мать въ уваженіе такого вынужденнаго отреченія Нестора
отъ своего лжеученія и надлежало бы, строго держась по-
становленія римскаго собора, смотрѣть на него какъ на обви-
неннаго, такъ какъ онъ не хотѣлъ добровольно удовле-
творить въ назначенный срокъ предъявленнымъ ему въ Кон-
стантинополь требованіямъ Целестина отвергнуть это мнѣніе
„Богъ всегда принимаетъ раскаяніе грѣшниковъ, какъ бы
оно ни было позднее“, отвѣчалъ онъ своему мѣстооблочи-
тену¹⁾, но случая къ прощенью не представилось.

(Продолженіе будетъ)

¹⁾ Nunquam de plebe tunc Deo accelerata in quocunque correctio Coelestis
Epis. 16